

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

К СТОЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ

О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

(1871 — 1971)

Статьи, свидетельства, материалы
к биографии, из неизданного.

- Неизданные стихи А. Ахматовой.
- Венок сонетов А. Радыгина
- Из романа «Чевенгур» А. Платонова.
- Воспоминания о П. Флоренского.
- Блок после Двенадцати В. Вейдле.

Судьбы России - Библиография - Хроника

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 101-102 TRIMESTRIEL III-IV - 1971

Приезжайте, приглашайте друзей

на

Общий Съезд Р. С. Х. Д.

20 - 21 - 22 мая 1972 г.

КРЕСТ - СИЛА БОЖЬЯ

Архим. Симеон : Крест в личной жизни каждого

Оливье Клеман : Крест и современный мир

Прот. А. Шмеман : Крест в литургическом опыте Церкви

Никита Струве : Крест в западной и восточной святости

Библейские кружки. Обсуждения.

LA ROCHE-DIEU, BIÈVRES (в 7 км от Парижа)

© Copyright Le Messager. 1971 Paris.

ОТ РЕДАКЦИИ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПРОТ. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

(1871-1971)

В номере отмечается столетие со дня рождения великого русского мыслителя и богослова, отца Сергия Булгакова. Называя его великим мы не вдаемся в преувеличение. Необычайна была его личность, стремительная, дерзновенная, одухотворенная. Показательна была его судьба, предвосхитившая, быть может, судьбу всего русского народа, — от церкви к безбожию, и от безбожия к церкви. Величествен его богословский подвиг. О. Сергий Булгаков не только построил стройную систему, он избавил раз и навсегда русское, вернее, православное богословие от школьности, рутины, от робости и духа боязни, вернув ему ту царственную свободу, которая была присуща патристическим векам. Больше того: он укоренил богословие в опыте церковной жизни, сохраняя при этом свободу богословского мнения.

Не случайно, творчество Булгакова вызвало столь ожесточенное противление. Осуждения и прещения, в духе римской инквизиции, посыпались немедленно до всякого широкого, свободного, всецерковного обсуждения, до испытания Духом Святым. Прежде всего испугались: как можно так дерзать, обновлять богословие, как можно утверждать, что ряд вопросов еще не разработаны по существу.

Нападки на о. Сергия Булгакова имели и вне-богословские причины. Ведь в свое время никто не думал запрещать или анафематствовать систему М. Тареева, куда более спорную. Нападая на Булгакова, Москва и «карловцы» били прежде по русскому Западно-европейскому Экзархату, чей дух свободы, над национализмом, над политикой, был им совершенно чужд.

Просвещенный митрополит Евлогий позволил о. Сергию Булгакову закончить свой богословский подвиг, но разобщенность

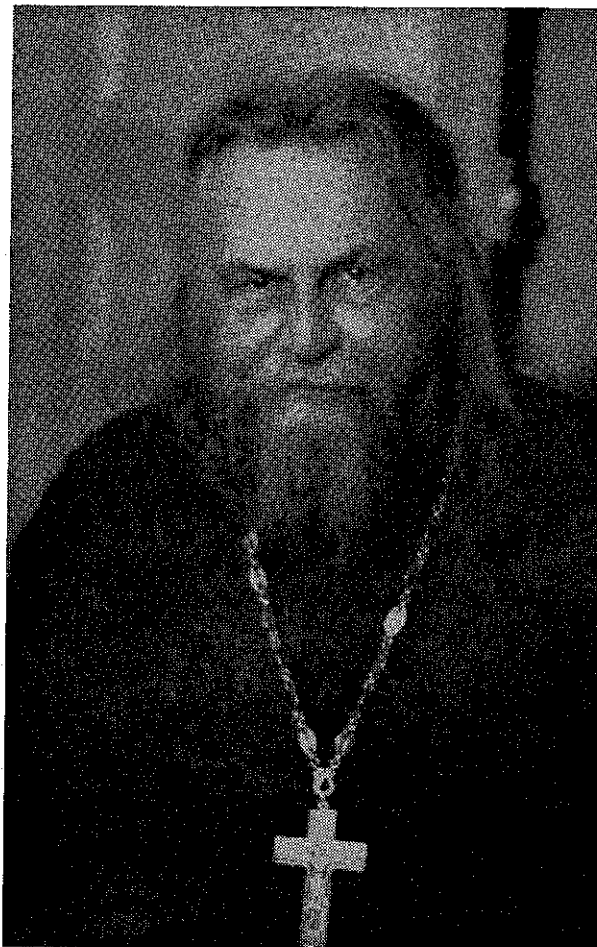
эмиграции, её разделенность на враждующие фракции, мало благоприятствовали спокойному и свободному обсуждению системы. Для этого требовалось и время. Вдохновив очень многих на богословский труд в разных областях, о. Сергей Булгаков, после смерти, был сравнительно быстро забыт.

Испытание богословия о. Сергея Булгакова возобновляется, вернее начинается в наши дни, когда книги его постепенно проникают на родину, постепенно входят в церковное сознание. Это испытание будет длительным (по вине обстоятельств) и сложным (сообразно богатству Булгаковской мысли). Трудно предрешить в какой мере Церковь признает его богословие своим, что в нем удержит, и что отбросит.

Но уже сейчас можно сказать, что, как современный Ориген (выражение о. Луи Буйе), о. Сергей Булгаков кое-что изменит в строении и составе православного богословия. Цельность видения, одухотворенность, укорененность в Таинстве и Слове Божиим, огненность и дерзание, на каждом шагу возносящие научно обоснованную мысль о. Сергея до богосозерцания, не пройдут без следа. После о. Сергея Булгакова, к Макарию уже не вернешься. После о. Сергея, богословие больше не может быть прикладным занятием, пользоваться суконым языком, довольствоваться малым. О. Сергей вознес богословие на свойственную ему горнюю высоту. В одном этом уже — его великая заслуга.

Никита Струве

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА *)



Отец Сергей Булгаков

(*) Эта канва была составлена Л. А. Зандером и напечатана им в небольшой брошюре памяти о. Сергея Булгакова изданной в 1945 г.

- 1871 16 июня рождение. Отец его — Протоиерей Николай Булгаков; мать — Александра Косминишна, рожденная Азбукина.
- 1881 Поступление в 1-й класс Ливенского Духовного Училища.
- 1884 Окончание Ливенского Духовного Училища и поступление в Орловскую Духовную Семинарию.
- 1888 Оставление Орловской Духовной Семинарии и поступление в 8-й класс Елецкой гимназии.
- 1889 Окончание Елецкой гимназии.
- 1890 Поступление на юридический факультет Московского Университета.
- 1894 Окончание Московского Университета и оставление на два года по кафедре политической экономии и статистике для приготовления к профессорскому званию.
- 1895 Начало педагогической деятельности (преподавателем политической экономии в Московском Техническом Училище).
- 1896 «О рынках при капиталистическом производстве» (1).
- 1897 Сдача магистерского экзамена.
- 1898 14 января вступление в брак с Еленой Ивановной Токмаковой. Отправление в научную командировку (в Берлин, Париж и Лондон). 17 ноября рождение дочери Марии.
- 1900 Возвращение в Москву из заграничной командировки.
- 1901 Защита магистерской диссертации. «Капитализм и земледелие» (2 тома). Переезд в Киев. Избрание ординарным профессором Киевского Политехникума и приват-доцентом Киевского Университета. 12 марта рождение сына Феодора. 21 ноября публичная лекция «Иван Карамазов, как философский тип» (2).
- 1903 «От марксизма к идеализму».
- 1905 25 декабря рождение сына Ивашечки.
- 1906 Переезд в Москву. Избрание профессором политической экономии Московского Коммерческого Института и при-

(1) Здесь приведены годы издания только важнейших книг о Сергия. О статьях и менее важных трудах см. библиографию.

(2) Здесь не приведены даты бесчисленных лекций и других выступлений о Сергия. Данная лекция приведена как имеющая особое значение в его духовной биографии.

- ват-доцентом Московского Университета. Избрание во 2-ю Государственную Думу (от Орловской губернии).
- 1909 27 августа смерть Ивашечки.
- 1910 Добровольное оставление Университета в связи с историей, связанной с министром народного просвещения Л. А. Кассо.
- 1911 «Два града» (2 тома). 11 мая рождение сына Сергея.
- 1912 Защита докторской диссертации. «Философия хозяйства» ч. I.
- 1917 «Свет Невечерний». Избрание ординарным профессором политической экономии Московского Университета.
- 1918 Избрание членом Всероссийского Церковного Собора (от Высших учебных заведений г. Москвы). 11 июня (Духов День) рукоположение (в Даниловом монастыре епископом Феодором Волоколамским). Избрание членом Высшего Церковного Совета. «Тихие думы».
- 1919 Переезд в Крым. Профессура (политической экономии и богословия) в Симферопольском Университете. Работа над «Трагедией философии» и «Философией имени».
- 1921 Утеря профессуры в Симферопольском Университете по причине священства.
- 1923 1 января. Высылка из России. Константинополь. В апреле переезд в Прагу. Избрание профессором Церковного права (и богословия) Русского юридического факультета в Праге. В сентябре участие в I съезде Русского Студенческого Христианского Движения в Пшерове (3).
- 1924 В июле поездка в Париж на I съезд РСХД во Франции в Аржероне.
- 1925 Переезд в Париж. Назначение профессором Богословия и деканом Православного Богословского Института в Париже. В августе поездка в Сербию на III съезд РСХД в Хоповском монастыре. «Петр и Иоанн — два Первоапостола».
- 1927 В августе участие в I всемирном христианском съезде по вопросам «Веры и Церковного строя» в Лозанне. «Купина Неопалимая», «Друг Жениха».

(3) Начиная с 1923 г. о. Сергий участвует в многочисленных съездах РСХД, Англо-Русского содружества, Лиги православной культуры и т. п. Из них указаны только те, которые имели какое-либо особое значение в жизни о. Сергия.

- 1928 В январе участие в 1 англо-русском религиозном съезде и начало Содружества имени Св. Мученика Албания и Преп. Сергия . «Главы о Троичности».
- 1929 Участие в съезде комитета продолжения Лозанской конференции в Малоя (Швейцария). «Лествица Иаковля».
- 1930 Участие в съезде комитета продолжения Лозанской конференции в Мюррен (Швейцария).
- 1931 «Икона и иконопочитание». «Агнец Божий».
- 1932 «Orthodoxie» (4). «О чудесах евангельских».
- 1936 В апреле участие в англо-русском богословском съезде в Мёрфильде (Англия). С 29 сент. по 6 ноября поездка в С.Ш.А. на конвенцию епископальной церкви и для чтения ряда лекций. «Утешитель».
- 1937 Июль, участие во II всемирном христианском съезде по вопросам «Жизни и труда» в Оксфорде. Август, участие во II всемирном христианском съезде по вопросам «Веры и церковного строя» в Эдинбурге. «The Wisdom of God». (5)
- 1938 Участие в общеправославном съезде богословов в Афинах.
- 1939 20 марта — первая операция рака горла. 4 апреля (страстной вторник) — вторая операция рака горла. Потеря голоса.
- 1943 14 июня присуждение степени доктора церковных наук honoris causa Православным Богословским Институтом.
- 1944 В ночь с 5 на 6 июня (Духов День) — кровоизлияние в мозг. 12 июля кончина. 15 июля отпевание в храме Богословского Института и погребение на русском кладбище Ste-Geneviève-des-Bois.
- 1945 «Невеста Агнца».

(4) В оригинале вышла в 1964 г.
 (5) Русский текст ждет издателя.

СТАТЬИ

Прот. Александр ШИМЕАН

ТРИ ОБРАЗА

«Чужой среди своих, свой среди чужих...»

о. С. Булгаков, «Автобиограф. заметки»

1.

Приступая к этим отрывочным «юбилейным» заметкам об о. Сергии Булгакове, я должен сразу же оговорить, что я никогда не был «софианцем» и не принадлежал, да по возрасту, пожалуй, и не мог бы принадлежать к кругу его близких учеников и последователей. Но мой выпуск Парижского Богословского института был последним, прослушавшим полный курс его лекций, на протяжении четырех лет я видел его почти каждый день — в церкви, в аудитории, иногда, очень редко — на его квартире, в «профессорском» домике Сергиевского Подворья. И, таким образом, я один из свидетелей тех последних, предсмертных его лет, когда лишенный голоса, с вырезанным горлом, читал он лекции уже каким-то почти неслышным клекотом и так очевидно для всех сторал в светлом пламени конца, отрешенности, ожидания близкой смерти. Я помню его похороны светлым июльским днем, когда все собрались у его гроба — и друзья и поклонники и богословские противники и совершалось последнее шествие его вокруг храма и, затем, по ступенькам вниз, с горки преп. Сергия, на которой прожил он последние двадцать лет своей жизни.

И все же я вряд ли собрался бы, вряд ли решился бы писать о нем если бы не поразило меня в эти юбилейные дни то, что без всякого преувеличения можно назвать трагедией о. Сергия. Ведь вот, сто лет прошло со дня рождения и более двадцати лет со дня смерти того, кого, как бы ни относиться к его творчеству, нельзя не признать одним из самых замечательных людей последнего трагического полувека русской истории, а имя его окружено почти полным молчанием. Там, в России, оно под самоочевидным за-

претом. Здесь, за рубежом, на протяжении четверти века, отделяющей нас от его смерти, не появилось, за исключением книги его ближайшего ученика Л. А. Зандера, ни одной серьезной о нем работы, ни одного настоящего разбора его учения. Повидимому для одних он уже сброшенный со счетов истории, осужденный и разоблаченный «еретик», а другие, занятые своим, попросту забыли о нем и им он неинтересен и чужд. Когда то, защищаясь от обвинений, казавшихся ему поспешными, поверхностными, о. Сергей с горечью писал о «деле всей своей жизни» и утешал себя верой в будущее свободное и серьезное обсуждение своего богословского творчества. И вот, спрашиваешь себя, неужели этой его вере суждено оказаться тщетной и дело всей его жизни действительно не заслуживает ни внимания, ни обсуждения? Допустим даже, что его учение «еретично» и достойно осуждения. Но ведь и об еретиках писали и пишут, и ни один из них не был осужден без досконального и добросовестного разбора его учения. А, с другой стороны, те, кто, занятые своим, забыли о нем и снисходительно игнорируют его, неужели не сознают они, что не будь в свое время таких людей как о. Сергей, не было бы и их, как не было бы и того воздуха, которым они дышат? Неужели даже теперь, имея за спиной более чем полувековой опыт духогасительства, обскурантизма и фанатизма, мы все еще не понимаем, что хотя бы одной из причин этой страшной русской трагедии было то, что всегда у нас осуждений было больше чем обсуждений, разрывов и отрицаний больше чем стремления понять, «принципиальной» узости больше чем духовной щедрости и доверия? Пускай иным эта непримиримость, этот надрывный максимализм в утверждениях и отрицаниях, все эти «коль рубить так уж с плеча» кажутся чуть ли не главным качеством «русского духа». Что касается меня, я не могу не видеть в этом одного из источников того «большевизма», что все-таки не совсем уж случайно завладел Россией и который так легко из «красного» может превратиться, и часто превращается, в «белый». (1) Противостать этому долг каждого, кто понимает,

(1) см. напр. в «Русско-Америк. Церк. Вестнике», 1971, 7-8, письмо в редакцию Архиепископа Сильвестра о книге, в которой, в числе разных других клеветнических небылиц об о. Сергии, утверждается, якобы со слов «очевидца», что о. С. «имел самое туманное представление о преп. Серафиме Саровском». Эта, чисто большевистская по духу своему ложь распространяется человеком, очевидно не прочитавшим ни одной строчки о. С. Б. и идет из недр церковной группировки, претендующей на монополию в деле «спасения России от большевизма». И если бы это был единичный факт! Страшно становится при одной мысли о таком «спасении».

что подлинное спасение России не в сведении счетов, не в упрощенстве и фанатизме, а в трудном и медленном подвиге собирания всего того на нашем сложном и трагическом пути, «что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала» (Филип. 4,8), в возврате к тому высокому исканию, к тому алканию и жажде правды, одним из носителей которых так очевидно был о. Сергей, к тому начавшемуся, было, в России великому «обсуждению», что оборвано было тупым гонением духовеннаветников. Отсюда, это мое малое свидетельство об о. Сергии, желание поведать то небольшое, что сохранила о нем моя память.

2.

В последнее время до нас все чаще доходят сведения о том, что интерес к о. Сергию (как и к другим представителям русского духовного ренессанса) растет у тех, удивительных и, повидимому, неистребимых «русских мальчиков», которые там, в России, в советском безвоздушии, взяли на себя героический подвиг восстановления русской духовной традиции, возвращения в подлинную Россию. К ним обращены и им посвящены эти строки. Ибо я тоже был «русским мальчиком», только эмигрантским. И это значит тоже, хотя и по другому — **чужим** окружавшей меня действительности, тоже обреченным искать **своего**: — того, чем можно было бы подлинно жить, чему можно было бы по настоящему отдать себя, в чем можно было бы найти себя. И вот я помню, как, шестнадцати или семнадцати лет, я прочел почти случайно две, хотя и совершенно разные, но в равной мере «пленившие» меня книги — «Купину неопалимую» о. Сергия Булгакова и «Пути Русского Богословия» о. Георгия Флоровского. Я, наверное, очень мало что понял в них тогда, как не знал и того, что написаны они «идейными врагами». Но я твердо знаю, что именно благодаря этим двум книгам, именно в ту памятную весну, нашел я свое и себя и стал на тот путь, который, несмотря на все трудности, искушения, испытания и падения, составляет единственный смысл моей жизни. Что дал мне тогда о. Сергей? Дал тот огонь, от которого только и может возгореться другой огонь. Дал почувствовать, что только тут, в этом прикосновении к Божественному свету, к его исканию и созерцанию — единственное подлинное назначение человека, та «почесть горшего звания», к которой он призван и предназначен. Окрылил своим горением и полетом, своей верой и радостью. Приобщил меня к чему то самому лучшему и чистому в

духовной сущности России. И я уверен, что то же самое дает он и тем, кто открывает его сейчас, открывает там, где отрицается и преследуется сама память о духе.

Я не собираюсь писать богословского разбора того или иного учения о. Сергия, ибо не считаю себя для этого компетентным. Но, кроме богослова и мыслителя, был еще человек, которого я помню и которого запомнил гораздо лучше, чем его лекции. От них почти ничего не осталось в памяти и, может быть, как раз потому, что я смотрел на него гораздо больше, чем слушал его. Мне уже тогда казалось, что сам он, его личность, его духовный облик интереснее и важнее, чем то его учение, приведению которого в стройную и «научную» систему он отдал всю свою жизнь. Я уже тогда смутно чувствовал, что больше нежели эта система и это учение, останется то, что около них, за ними, что просвечивает сквозь них и иногда сияет небесным светом и обжигает огнем, но чему «система» как то почти мешает. Вот Кант или Гегель сказали, мне кажется, все то, что они хотели сказать и именно так, как хотели и ничего не прибавят к этому свидетельства людей, знавших их или подробности их биографии. А в отношении о. Сергия, я уверен, это не так, хотя правоты этого своего ощущения я, конечно, не мог бы доказать «научно». О нем писали и говорили, что он «еретик». Но смотря на него, следя за ним или, по слову В. В. Вейдле о нем — «любуюсь» им, я всем своим существом чувствовал: нет, этот человек не еретик, а, напротив, весь светится самым важным, самым подлинным, что заключено в Православии. А, вместе с тем, читая его, пытаюсь следить в толщенных его фолиантах, за сложной диалектикой «Софии Божественной» и «Софии тварной», «ипостаси» и «ипостасности», я так же сильно чувствовал: — не то, не так, не о том, хотя, конечно, не мог и не дерзнул бы выразить этого чувства с той «легкостью необыкновенной», что присуща расплодившимся в наше время «ересемам». И я знаю, что эту двойственность ощущал и переживал не я один, что для многих она составляла своего рода загадку о. Сергия. Я верю, что настанет время, когда этой загадке, когда месту о. Сергия в истории русского богословия и, шире, русской культуры, будут посвящены полновесные труды. В ожидании этого времени, остается только приложить усилия к тому, чтобы остались от о. Сергия не только его труды, но хоть немного и от опыта его личности, от незабываемой для каждого, кто испытал ее, встречи с ним на своем жизненном пути.

3.

Когда я думаю об о. Сергии, мне на память приходят всегда, и прежде всего, три его образа или облика. Видел я его, как я уже сказал, часто и на протяжении многих лет, а вот, всякий раз, что вспоминаю его, именно эти три облика с необычайной живостью встают перед моим мысленным взором.

Первое воспоминание относится ко времени еще до моего поступления в Парижский Богословский Институт. Почти еще мальчиком, учеником французского лицея, я часто ездил на Сергиевское Подворье. Это был период увлечения монашескими службами, строгими напевами, всем тем «прекрасно-неотмирным», что так легко пленяет юношеское воображение и что цвело в те годы на Подворье, благодаря действительно великому «уставщику», покойному М. М. Осоргину. И помню, как каким-то осенним, дождливым вечером я бегу к вечерне со станции метро, по шумной и весьма пролетарской Крымской улице. Освещенные кафе, лавочки, возвращающаяся с работы беднота, шум, крики торговцев, электрические огни, расплывающиеся по мокрым тротуарам. И в этой толпе и суете внезапно вижу медленно идущего о. Сергия, погруженного в глубокое раздумье, явно не видящего ничего кругом себя. Черная священническая шляпа, скромная ряса, крест, длинные седые волосы, распущенные по плечам... Почему всегда возвращается это воспоминание? Я не подошел к о. Сергию, не поздоровался, не заговорил с ним. Даже и гораздо позднее мне всегда казалось невозможным, почти непристойным, побеспокоить его, обратить его внимание на меня, свести с тех высот, на которых он, так очевидно для меня, всегда пребывал. Тогда же, в тот вечер, я и знаком то с ним не был и мало что знал о нем. Знал, что он что то очень знаменитое, замечательное, недоступное. А увидел просто русского священника, хочется сказать — сельского батюшку. И думается, подсознательно поразил меня именно этот контраст между тем, что я смутно знал о нем: большой мыслитель, бывший марксист, средоточие каких то напряженных обвинений и споров — и тем что увидел. Ибо в том то и дело, что, чем больше узнавал я о. Сергия, тем яснее понимал, что облик этот был совсем не случайным, а, напротив, органическим выражением глубочайшей его сущности. О. Сергия невозможно себе вообразить ни в «синодальном» великолелии — скажем, в митре или с каким нибудь там «крестом с украшениями», ни в пластически-сакральном облике византийского извода, ни — и это, может быть, самое важное, облеченным в нечто **свое**, особенное, индивидуальное, подчеркивающее и выра-

жающее его особенность, исключительность и т. д. Невозможно не в силу какого-нибудь особенного смирения о. Сергия, равнодушия к внешнему, к наградам и т. д. Внешности о. Сергий придавал несомненно большое значение, и столь же несомненно знал свое место. Нет это действительно и органически был его образ, он сам, и это в эпоху распада стиля, когда многие в Церкви, не находя, не имея органического стиля, начинали впадать в «стилизацию».

Все это я говорю, да и запомнил наверное потому, что чаще всего в связи с именем о. Сергия произносилось слово «модернист». Между тем, я абсолютно убежден, что самой основной, самой глубокой духовной и психологической чертой о. Сергия был как раз предельный «анти-модернизм», то, что он сам с явным удовольствием называл своей «почвенностью». Враги о. Сергия вечно избобличали его в «интеллигентщине», ставили под подозрение его возвращение в Церковь, противоплавали ему другую, будто бы недоступную ему — интеллигенту, бывшему марксисту и профессору политической экономии — «подлинную церковность» и «истинное православие». Примечательно, однако, что эта травля о. Сергия — в отличие от серьезной богословской критики — исходила преимущественно от тех, кто сам недавно обрел эту пресловутую «почву» и кто, поэтому, испытывал патологическую потребность и самого себя и других безостановочно уверять в своей «истинной церковности» и «подлинном православии», отождествляя их, главным образом, с обличением всевозможных «уклонов» и «ересей». Все это, впрочем, неудивительно и банально. «Кающийся интеллигент» легко становится черносотенцем и мракобесом. Раненый революцией и вырванный из привычной жизни человек ищет в Церкви, прежде всего, «быта» и «почвы», кажущихся ему единственной защитой от хаоса и распада. Между тем ничего от «кающегося интеллигента» как раз и не было в о. Сергии. Сын, внук, правнук, пра-правнук священников, выросший и духовно сложившийся в церковном быту, о. Сергий был чистейшим аристократом левитской крови. Свою почву он носил в себе, носил и тогда, когда на время ушел в «страну далече», не изменив, впрочем и тогда своему горнему устремлению и первородству духовного в себе. Ему не нужно было искать и находить ее. Вернувшись в Церковь, он не в каком-нибудь переносном, а в буквальном смысле, вернулся домой и став священником, вступил в свое, исконное, врожденное. Отсюда, конечно, и та его «сыновья свобода» в Церкви, которую признал в нем и его богословский противник, о. Георгий Флоровский и о которой так часто понятия не имеют новоиспеченные ревнители «истинного православия».

Почвой же о. Сергия было, конечно, русское православие. Само собой разумеется, что словосочетание это не догматического порядка, ибо догматически, вероучительно русское православие ничем не отличается от породившего и вскормившего его православия византийского, вселенского. Вряд ли можно отрицать, однако, что у русского народа (как, впрочем, и у других православных народов) было и есть свое «переживание» этого общего православия, свое особое восприятие его и свои «ударения» в нем. Я отнюдь не разделяю тех крайностей, до которых дошли в своих определениях «русского христианства», хотя и каждый по своему, А. В. Карташев и Г. П. Федотов. Не подлежит, однако, сомнению, что существует внутри вселенского православия особый русский тип его, исторически сложившийся, хотя и не легко определяемый. Это почти неуловимое, от слов и определений тускнеющее и увядающее, сочетание всего того, что Федотов называл «кенотизмом» («в рабском виде Царь небесный...») с радостным, подлинно пасхальным «космизмом», с какой-то почти нежностью к творению Божьему. То, что каждый русский интуитивно чувствует и любит в белом, радостном образе «убогого старца Серафима», что совершеннее всего воплотилось в русской иконописи и храмостроительстве, в русском церковном пении, в русской «рецепции» византийского богослужения; то, наконец, что вне всякого сомнения составляет последнюю и таинственную глубину русской литературы... Тут, повторяю, не следует ничего преувеличивать и заострять, но не следует тоже и преуменьшать.

О. Сергий не был, конечно, узким националистом. После Революции, как он сам писал, ему «нестерпимым сделалось всякое безответственное славянофильствование». И достаточно прочитав восторженные, почти экзальтированные страницы, посвященные им «храму всех храмов» Православия — св. Софии Константинопольской, чтобы почувствовать подлинно-вселенское вдохновение его веры. Открыт он был ко всему подлинному, всему истинному и на Западе. И все же ясно, что из всех исторических воплощений Христианства кровно и органически любил он воплощение русское. Я останавливаюсь на этом потому, что тут, мне кажется, можно и нужно искать хотя бы один из ключей к его творчеству, один из тайных его «двигателей». Оно вырастает на глубине из стремления этот русский опыт церкви и церковности, опыт, полученный еще в целостном раю детства и с такой нежностью описанный им в его «Автобиографических заметках» — изложить, объяснить, оправдать. И тем самым, преодолеть и засыпать ту пропасть, что отде-

лила Церковь от русского сознания, отлучила от своей собственной глубины, от своих природных корней, русскую интеллигенцию. Это отлучение о. Сергей познал на собственном опыте. И этот опыт ухода и возвращения в потерянный рай, но возвращение уже во всей полноте знания — куда и к чему он вернулся, и составляет первооснову его творчества. В истоках своих оно — апологетическое. Оно направлено не только во внутрь — к церкви, но и во вне — к миру, тоскующему по целостной вере и потому служащему «богам чуждым», но ищущему того последнего всеединства, последней целостности, которую созерцает о. Сергей именно в русском православии, как — одновременно — и «данность» его, но и «заданность»... Вот откуда, мне кажется, сочетание в его образе некоего «почвенного» русского священника с безостановочным полетом мысли, с неутолимым желанием поведать о том, что — какую глубину, какую красоту, какую всеобъемлющую истину — находит блудный сын, вернувшийся в отчий дом.

4.

Второе воспоминание, навсегда врезавшееся в память и снова, думается мне, не случайно. Всенощная на Сергиевском Подворье под Вербное Воскресенье. Длинная, торжественная архиерейская служба со множеством служащих, с пением на два хора, один лучше другого, с выпеванием стихир «с канонархом», так что действительно «доходит» каждое слово изумительных песнопений этого праздника. Уже много часов длится это бдение, уже достигнуто оно того момента, знакомого церковным людям, когда перейдена черта усталости, исчезло ощущение времени и можно еще и еще стоять так часами, не замечая их. Вот начинается пение хвалитных псалмов, этого завершительного, торжественного аккорда в каждой праздничной утрени. Вот после «стихир на хвалитех» открываются царские врата и два лика, сойдясь посредине храма, начинают, медленно и проникновенно, последнее — «прежде шести дней Пасхи прииде Иисус во Вифанию и приступиша к Нему ученицы Его, глаголюще Ему — Господи, где хочещи угодоваем ти ясти паску; Он же посла их, идите в преднюю весь...» И вот навсегда, на всю жизнь запомнилось мне лицо, лучше сказать — лик о. Сергия, на которого, стоя близко от него, я должно быть случайно взглянул в этот момент. Никогда не забуду его, светящихся каким то тихим восторгом глаз и слез его и всего этого устремления вперед и ввысь, точно, действительно, в ту «преднюю весь», где уготовляет Христос последнюю Пасху с учениками своими.

Почему так хорошо запомнил я эту минуту? Потому, думается, что воспоминание о ней невольно возвращалось ко мне всякий раз, что читал я и слушал обвинения о. Сергия в «пантеизме» и «гностицизме», в стирании грани между Богом и тварью, в обожевлении мира и т. д. Я не знаю, насколько все это можно объективно вывести из текстов о. Сергия, ибо, повторяю, настоящий, серьезный разбор его писаний еще не начинался, сам же он с негодованием эти обвинения отвергал. Но я знаю, что воспоминание это возвращалось потому что обвинения эти так очевидно противоречили тому что, по всей вероятности, поразило и всегда поражало меня больше всего в о. Сергии: его «эсхатологизму», его всегдашней, радостной, светлой обращенности к концу. Из всех людей, которых мне довелось встретить, только о. Сергей был «эсхатологичен» в прямом, простом, первохристианском смысле этого слова, означаящем не только учение о конце, но и ожидание конца. Конечно, на словах мы все исповедуем веру во второе пришествие Господа, в конец мира, мы все ежедневно повторяем: «да придет царствие Твое». Но сколько христиан действительно ждет Господа и живет этим ожиданием? Сколько христиан не просто, скажем, «примирились» со смертью, а претворили ее в светлое таинство встречи с Господом, в путь «истее причащаться Ему в невечернем дни Царствия»? Есть конечно, во всякую эпоху, а в нашу особенно, всевозможные «апокалиптики», возвещающие светопреставление, одержимые всевозможными страхами, угадывающие «времена и сроки», о которых, согласно Писанию, не знают «ни ангелы, ни Сын». Но не о них речь, ибо ничего общего не имеет эта апокалиптическая и мрачная паника со светлой верой первохристианства. О ней мы читали в книгах о ранней Церкви, но как мало ее в нашей современной церковности. В богословских учебниках эсхатология давно уже свелась к учению о «мздовоздании», в благочестии к домыслам о «загробной участи усопших». А о. Сергей действительно жил ожиданием Господа, был не только сознательно, но именно светло и радостно обращен к смерти и для него все в этой жизни уже светилось светом грядущего Царства. И Вербное воскресенье он так переживал именно потому, что для него (как и для Церкви) оно было праздником эсхатологическим, вспышкой в этом мире, «уверением» на земле, вечного Царства Божия... «Эта царственная слава — пишет он — быстро прекратилась, подобно тому как скоро погасло и Фаворское сияние, и за ней начинается неделя страстей Христовых. Вход Господа в Иерусалим явился лишь ознаменовательным предварением будущих свершений, лежащих за страданиями и воскресением. Однако, не

совершилась бы вся полнота Богоявления, нам во Христе бывшего, если бы на земле не сверкнули лучи славы Его в преображении, и не показано было бы явление Царства Его в Царском Его Входе. Последний явился пророчеством о грядущем...» (Агнец Божий, стр. 444).

Я не знаю, совместимо ли такое эсхатологическое устремление с «пантеизмом». Но всем существом чувствую, что невозможно оно без личной, всеобъемлющей любви ко Христу. Ибо только любовь ждет и живет ожиданием. Только любовь побеждает страх смерти. Только любовь исполняет веру, как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11,1). И именно эта любовь ко Христу струилась из образа о. Сергия и она, конечно, поразила меня за той Вербой всеобщей. Не случайно каждая из больших книг его последней трилогии заканчивается первохристианским призывом: «ей гряди, Господи Иисусе». Не поняв этого, не ощутив этой пронизанности эсхатологическим ожиданием всего творчества о. Сергия, невозможно, я думаю, ни правильно понять, ни правильно оценить его богословской мысли. Прибавлю к этому, что в возрождении эсхатологии, не как отдельной «темы», а как измерения и вдохновения присущих христианскому богословию в целом, всем его «темам», я вижу одну из главных заслуг русской религиозной мысли. Вдохновение это, как я уже сказал, почти совсем выветрилось из православного богословия в эпоху его западного, схоластического пленения. Это не значит, что все в русском «эсхатологизме» одинаково приемлемо, что все в нем свободно от преувеличений, односторонности, даже двусмыслицы. Однако в самом возврате к чему то исконному в христианстве, без чего оно становится пресным и неглубоким, нельзя, мне кажется, не видеть явления огромной важности для Церкви.

5.

Третье воспоминание об о. Сергии, третий его образ, относится уже не к одному только моменту, не к одной запомнившейся встрече. Это воспоминание об о. Сергии у престола, служащим Литургию. В те последние годы из-за болезни, из-за отсутствия голоса, служил он только ранние литургии. Служил, из-за аппарата, заменившего горло, в очень легких, белых облачениях. Что мне запомнилось здесь? Скажу сразу — не «красота» его служения, ибо, если под красотой разуметь ритмичность и плавность движений, нарочитую торжественность, «умение», то служил о. Сер-

гий как раз, пожалуй, «некрасиво». Кадить как то так никогда и не научился. И было во всех его движениях что то угловатое и порывистое, что то именно не плавное и не ритмичное. Но, говоря об его служении, вспоминая его, невозможно обойтись без неуклюжего и тяжеловесного церковно-славянского выражения: служба, о. Сергий, действительно **литургисал**. Что то было в его служении, в самой его угловатости и порывистости, первобытное и стихийное, что то от древнего жреца или ветхозаветного первосвященника. Он не просто совершал традиционный во всех своих мелочах «отстоявшийся» обряд. Он до конца, до предела растворялся в нем и впечатление было такое, что Литургия служится в первый раз, падает с неба и возносится от земли впервые. Хлеб и чаша на престоле, огонь свечей, кадильный дым, эти руки воздвигнутые к небу: все это было не просто «службой». Тут что то совершалось со всем мирозданием, что то предвечное, космическое — «страшное и славное» — в славянском значении этих богослужебных слов. И, мне кажется, не случайно писания о. Сергия так часто уснащены и как бы утяжелены литургическими славянизмами, сами так часто начинают звучать как богослужебная хвала. Это не стилизация. Ибо богословие о. Сергия, на последней своей глубине, именно и прежде всего «литургическое» — раскрытие опыта, данного в богослужении, передача той таинственной «славы», что пронизывает его, того «таинства», в котором оно укоренено и «эпифанией» которого оно является. Явление Бога, но потому и мира в его Божественной первозданности, Божественных корней творения, предназначенного к тому, чтобы Бог наполнил его и стал «всяческим во всех». Мне думается, хотя и тут что могу я «доказать научно»? — что именно реальность, несомненность этого литургического опыта, первичного в жизни о. Сергия, как бы «подтолкнула» его к исканию новых слов и определения и что тут, а не в книжных или идейных влияниях, настоящий источник «софианства». Как бы ни «строил» потом это понятие о. Сергий, ни определял его богословски, ни возводил к «Софии», первичен и подлинен здесь опыт — сугубо православный! — богослужения, литургии как «неба на земле», как откровения «софийности»: преображенной «доброты», красоты творения. И потому и лучшие страницы его не те, где он пытается «определить» свою в сущности неопределимую, «безыпостасную» Софию, а те, что отражают свет и радость его богослужебного опыта и видения.

Из этого опыта и видения, которыми он действительно, целостно и безраздельно жил, о. Сергей задумал построить законченную и всеобъемлющую богословскую систему. И вот, пусть простит мне он, если я, столь многим ему обязанный, действительно недостойный развязать ремень у его обуви, по совести все же скажу, что в этом его желании «системы» я вижу как бы некое его падение. Мне кажется, что тут о. Сергей поддался своего рода «искушению». Читая его произведения, в особенности поздние, наиболее систематические, мне часто хотелось ему мысленно сказать приблизительно то, что, в чеховской «Дуэли» говорит добряк врач Самойленко самоуверенному идеалисту-систематику фон Корену: «это вас, дорогой о. Сергей, немцы испортили». В эту «немецкую», западную «систематичность» как главное условие «научности», русская интеллигенция уверовала зато совсем по-русски — с безудержным, восторженным максимализмом, сделала из нее почти какого то идола. Между тем понятие «целостности» с одной стороны, систематичности с другой, вряд ли синонимы. Богословие Отцов Церкви, например, целостно, «кафолично», и в этом его вечная и непреходящая ценность, но вряд ли можно вывести из него гладкую и окончательную «систему». Как будто напротив: чем «целостнее» опыт, из которого рождается мысль, чем глубже видение, тем меньше поддаются они «систематизации», тем очевиднее происходит в ней «редукция»: упрощение, огрубление и даже извращение опыта. Может быть поэтому не породил православный Восток никаких догматических «систем», подобных «сумме» Фомы Аквината и не канонизировал, как западные вероисповедания, особой категории «символических книг». Но в о. Сергии сочетались, и до конца не сливались, как бы два человека: один — «опытный», тайнозритель Божественной славы и радости, раскрывающихся в Церкви, и другой — «ученый», профессор — стремившийся это тайнозрение не только поведать, и не только объяснить, но и т. ск. «без остатка» изложить в философски-богословской системе, с языка «доксологического» перевести на язык дискурсивный. Отсюда и своего рода «стилистическая» неудача о. Сергия: эти два языка у него не сливаются и не претворяются в единый язык, в некое органическое свидетельство. Убеждает и покоряет опыт, святящийся в его писаниях, но как часто не убеждают — а вызывают сомнения и даже возражения, слова и определения. И тут, мне кажется, и лежит путь к разгадке «загадки» о. Сергия, его жизненной и творческой трагедии.

Трагедия эта, в конечном итоге, в том, что система его (именно «система», а не бесконечное богатство всего того, что она «систематизирует») не соответствует его опыту. Если, употребляя его же слова, «софийный» опыт его не только глубоко-православен, но, как я сказал уже в начале, являет что то самое важное, самое глубинное в опыте Церкви, то «София», как философски-богословское «оформление» этого опыта **не нужна**, и не нужна, прежде всего, самому богословию о. Сергия. Она воспринимается, как это ни звучит странно, как какой то чуждый и именно надуманный элемент в его писаниях, как объяснение и «оправдание» того (почитание Божией Матери и Иоанна Предтечи, Богочеловечества и эсхатологии и т. д.), что не только в таком объяснении не нуждается, но что сам же о. Сергей уже и явил и объяснил. Ибо все то, о чем он пишет, что составляет тему и вдохновение всего его творчества: светлый и пасхальный космизм православия, тайна Богочеловечества, верность Православия «добро зело» творческого акта, победное ожидание и предвкушение Царства Христова, все это не «нуждается» в Софии или в «душе мира», как не нуждается православная интуиция свободы в «изначальной свободе» Бердяева. Для всего этого «достаточно» пресветлой и радостной тайны Пресвятой Троицы — Отца, Сына и Духа. Для всего того, что хочет защитить, отстоять, провозгласить и явить о. Сергей в ответ на вопрос, который «змеящимся шепотом стелется по земле: чей же мир, Богочеловека или человекобога, Христов или антихристов», что с такой пророческой силой, духовным горением и, часто, богословской гениальностью раскрывается в его творениях, не нужно «Софии» ибо «достаточен» Христос, Божья Сила и Божия Премудрость, «достаточен» Дух Св., Утешитель, «достаточна» Церковь, Невеста Агнца, и никто в наши дни не убеждает в этом лучше и сильнее, чем сам о. Сергей.

Потому, мне кажется, речь не может идти ни просто о **принятии** системы о. Сергия, ни просто об ее **отвержении**. Я уверен, что когда наступит время спокойного и глубокого церковного ее осуждения, Церковь в конце концов, как бы «перепишет» на белом его учение. Она с любовью и благодарностью примет в нем все то, что поистине раскрывает последние глубины ее опыта и что с такой силой веры, надежды и любви прогремело в мире, тонущем в демонической скуке и тупике своего «секуляризма», своего отпадения от Бога. И, как не раз делала она это и в прошлом, она «элиминирует» из учения о. Сергия все то, что, в сущности, затемняет его, делает именно **его** системой, а не еще одним славным и непреходящим свидетельством об истине. Сам же он, я не сомневаюсь в этом,

останется в памяти Церкви тем, чем он действительно был: — пророком и тайнозрителем, вождем в некую горнюю и прекрасную страну, в которую всех нас звал он всем своим обликом, горением, духовной подлинностью.

7.

Я не знаю, да и никто не знает, что будет с Россией. Но, вспоминая о. Сергия и, вместе с ним всю ту удивительную плеяду, которая не случайно же просияла в России одновременно с на­растанием русской катастрофы, в одном нет у меня сомнений. В том, что у русской культуры, у России как духовной судьбы, нет иного пути как в Церковь.

У каждого народа, в конце концов, только одно призвание. Он может, конечно, отказаться от него и продолжать существовать. Он может достичь благополучия и сытости, благоустройства и могущества — «на страх врагам»... Но и к нему относятся тогда евангельские слова: «какая польза ему если он весь мир приобретет, а душе своей повредит?» Призванием души России — русской культуры — было ответить на один вопрос: что такое «культура», в чем смысл ее и содержание, после Христа, после Боговоплощения, после Пятидесятницы? Христианский Запад от вопроса этого в какой-то судьбоносный момент своей истории отказался, просто «снял его с повестки» и, в сущности, только в этом отказе и отречении и обличали его русские мыслители и писатели, начиная с Чаадаева и Хомякова. Провозгласив, в своей земной и расчетливой мудрости, «автономию» культуры, разумно и самоуверенно разграничив сферы «религии» и «культуры», Запад не знал, да и сейчас еще не понимает, что тогда-то и началось то внутреннее разложение и религии и культуры, зловещими признаками которого наполнено наше время.

Русская же культура вопрос этот приняла и сделала его действительно вопросом духовной судьбы самой России. И ничего не меняет в этом ее теперешнее падение, ибо в том-то и раскрывается оно как именно падение, что никакой другой культуры создать оно не смогло, а создало беспрецедентную по своим размерам, бездарности и пошлости «анти-культуру». Ничем другим в своем падении русская культура стать не могла. И потому само это падение, сама эта «анти-культура», служат лучшим доказательством того, о чем всем своим внутренним огнем и напряжением свидетельствовала та, другая, подлинная, русская культура. Уже больше нельзя обманываться: пустота, ложь и подделка советской «анти-культу-

ры» совсем не только от отсутствия «гражданских свобод», от грубого насилия и террора. Та же самая пустота, подделка и ложь все очевиднее начинают проступать и там, где царят еще «гражданские свободы» и обеспечена полная «автономия» культуры. Ибо по настоящему, дело, конечно, в том, что самой то этой «автономной» культуре все очевиднее нечего и не о чем сказать, нечего воплотить. Разница же только в том, что в той стране, которая раньше называлась Россией, это «ничего» вдобавок приказывают облекать в нестерпимо елейную-оптимистическую ложь, а на Западе культуре никто не мешает со все большим техническим совершенством свидетельствовать о собственном разложении.

Но разве не было предсказано и провозвещено все это в России устами русских писателей и мыслителей? Разве на последней своей глубине не была подлинная русская культура именно пророчеством и предостережением? Разве взлеты ее, но также и неудачи и крушения, не от подспудного, всю ее пронизывающего знания, что в мире, в котором был Христос, нельзя ни жить, ни творить так, как если бы Его не было? Как если бы не был обожен в нем человек и вознесен к Богу? Как если бы не сходил в тот таинственный третий час Дух Утешитель и не изливался дождь благодати на землю? Как если бы после Боговоплощения и Распя­тия, Пасхи и Вознесения не стала невозможной, страшной, подлинно самоубийственной всяческая «автономия»?

И вот то, что подспудно, может быть, с самого начала вдохновляло русскую культуру, то — под самый конец, когда уже неизбежно нарастала катастрофа, стало темой и вопросом самой русской мысли, и в ней возрождающегося, от своих западных, схоластических пеленок освобождающегося, православного богословия. И, конечно, самое важное и глубокое в этом возрождении это то, что на главный и самый страшный соблазн нашего времени — на соблазн развоплотить Христа, отнять от Него Его мир, русская религиозная и богословская мысль ответила творческим, вдохновенным исповеданием Церкви. Должно быть, тут нужно было бы разъяснить, что под Церковью разумеется здесь не то, что связала с этим словом расцерковленная русская интеллигенция и в чем, как это ни звучит странно и прискорбно, слишком часто убеждали ее сами «церковники», своим равнодушием к культуре, если не открытым и упрощенным ее отрицанием. Я не делаю этого, потому что, в сущности именно это и сделал о. Сергий, именно об этом его творчество, его призыв, его свидетельство. Потому что сам он вернулся не к «христианству» вообще, не к расплывчатому

христианскому идеализму и гуманизму, а к Престолу, на котором вечно «исполняется» таинство Боговоплощения и снисходит тот огонь, о котором томился Христос когда он возгорится. И вернулся не для покоя или бегства, а для того, чтобы этим огнем просвещать и возвращать ко Христу вечно опадающий от Него и забывающий о Нем, мир. Нет, конечно, не для культуры и не о культуре Церковь. Но только от ее огня родилась та единственная по своей глубине и свободе, правде и человечности культура, распад которой, отречение от которой на наших глазах расчеловечивают мир. Не для культуры Церковь. Но только Церковь может сделать ее целостным ответом человека Богу на Его дар, наполнить ее истинной, добром и красотой, жить без которых она не может...

И потому, если еще есть будущее, есть путь у русской культуры, куда же ей еще идти? Опять, еще раз, на Запад? Но то, что было на Западе от этого огня, уже давно стало своим и кровным. А после Достоевского и Толстого, «открывать» Кафку и сюрреалистов, Беккета и «новый роман», «формалистов», «структуралистов» и прочих фокусников, право не стоит. В свою древнюю, допетровскую, допушкинскую самобытность, в самоупоение «русским духом»? Но не может, не изменив себе, отказаться русская культура от своей вселенскости, от той своей «всечеловечности», о которой много было сказано пустых и горделивых слов, но которая все же была и есть... И вот тут то, на этом распутье, и светит путеводной звездой последнее русское «пророчество» — о Церкви, как о той новой реальности, в которой тайна Царства Божьего, Царства «не от мира сего», может стать и вечно становится источником и силой жизни, творчества и спасения в «мире сем».

Пускай было в этом пророчестве много ошибок, неясностей и двусмысленности. Пусть чему то в нем, чтобы ожить и стать силой, надлежит «пав на землю, умереть». Пускай чему-то предстоит отсеяться, а чему то проясниться. В основном же оно верно. Верно в вопрошании. Верно в своем конечном устремлении и уповании. Об этом думаешь, об этом радуешься и в это веришь, вспоминая о. Сергия Булгакова.

Предпразднество Рождества Христова

Декабрь 1971.

Прот. Георгий СЕРИКОВ

УЧЕНИЕ ОБ АПОКАТАСТАЗИСЕ (О ВСЕОБЩЕМ ВОССТАНОВЛЕНИИ) У «ОТЦА ОТЦОВ» (СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ НИССКОГО) И У ПРОТ. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

Исходной мыслью святителя Григория Нисского о всеобщем восстановлении (апокатастазисе), как известно, (1) было его учение о зле. Вслед за Оригеном Отец Отцов учил, что зло не имеет сущности, что оно есть «не сущее» (ми он), что оно есть лишь отсутствие добра. Только добро имеет самостоятельное бытие. Хотя святитель и признавал за злом объективную реальность, тем не менее он считал его происшедшим через отрицание добра и не обладающим субстанциальным бытием. (Наглядную иллюстрацию такому положению нисский епископ видел в слепоте, которая не имеет места в природе, но есть лишь отсутствие глаз).

Зло не от Бога, оно есть лишение блага, не-бытие и наступит время, когда будет только Бог (I Кор. XV,28). Зло же, не имеющее для себя основания в Божественной воле, должно ураздниться и как кора или нарост должно спастись с доброго естества.

По всеобщем восстановлении всего в Боге уничтожится даже память о зле. Зло когда-то должно прекратиться еще и потому, что оно ограничено, а не беспредельно как Добро: идя по пути своего развития, оно должно будет когда-то дойти до такого пункта, дальше которого движение вперед станет уже не возможным и зло будет принуждено идти в противоположную сторону, в сторону добра. И таким образом за «пределом» зла следует преемство добра. Тогда будет достигнута божественная цель творения, которое было совершено «добро зело» (Быт. I,31).

(1) «Как известно», к сожалению, не многим: огромная масса православных людей ничего не знает ни о величайшем из Отцов Церкви, ни о его учении; а некоторые даже думают, что его учение об апокатастазисе «еретично» и было осуждено Церковью.

Не знаю, нужно ли тут говорить, что учение о всеобщем восстановлении всех людей в Боге, о том, что как все из Бога и Богом, так все и придет к Нему (Рим. XI,36) и что в конце концов «Бог будет все во всем» (I Кор. XV,28), никогда не было соборно осуждено Церковью, что еще до III-го Вселенского Собора (431 г.) святитель Григорий Нисский был признан Церковью святым, а на VII-м Вселенском Соборе он был назван «Отцом Отцов».

В деле всеобщего апокатастазиса и человеческого обожения, имело исключительное значение боговоплощение, искупительная универсальная жертва Спасителя и Его воскресение. Комментируя слова ап. Павла о том, что через смерть Христа «всякое колено небесных, земных и преисподних поклонится Ему и всякий язык исповедует, что Иисус Христос есть Господь во славу Бога Отца» (Фл. II, 10-11), — Григорий Нисский под «небесными» разумеет ангельский чин, под «земными» — живых людей, а под «преисподними» — всех умерших, а также демонов и злых духов.

Святитель Григорий считал невозможным вечное упорство во зле демонов и ожесточение грешников в беззакониях. Он полагал, что нет никакого основания думать, что свободная воля твари на том свете сохранит за собою свободу пребывания только во зле. Такую мысль он считал совершенно ложной. Так что сила искупительной жертвы Христовой распространится и на злых духов, и дьявол когда-то вернется в свое первоначальное блаженное состояние и создаст свое бесилие.

Комментируя слова ап. Павла к Коринфянам, что когда-то «Бог будет все во всем» (I Кор. XV, 28), святой Григорий видел в них подтверждение своих мыслей о всеобщем восстановлении и о совершенном уничтожении зла «Потому что, — говорил он, если во всех существах будет Бог, то несомненно, в них не будет зла». И так как это безусловно будет уничтожено, то никаких грешников тогда не будет. Тогда будут одни только святые. Тогда наконец завершится восстановление всей твари в ее первобытное состояние.

Всеобщее восстановление должно наступить в силу полноты творческого замысла Божественной Премудрости. Полнота эта будет ушерблена и цель творения не будет достигнута, если все творение во всей своей полноте (пифроме) действительно не примет участия в блаженстве. Всему творению необходимо достигнуть участия в Божьих благах о которых, по словам апостола Павла, — «око не видело, и ухо не слышало и которые бываю недоступны для мыслей» (I Кор. II, 9).

На адские мучения св. Григорий Нисский смотрел не только как на наказание грешников, но и как на средство уврачевания их от грехов, на своего рода чистилище. Но рано или поздно очистившись от грехов, души достигнут цели и придут к Богу. Да и на всю жизнь человеческую святитель Григорий смотрел как на путь и что странствие за гробом продолжается по пути нарастания небесного блаженства.

Подобно Оригену, св. Григорий считал, что учение свящ. Писания о вечности адских мучений, допущено с воспитательной целью. И может быть так же, как и его учитель, он полагал, что слово вечность (эон) в свящ. Писании иногда обозначает лишь большую продолжительность, а не бесконечность Божественную, вневременную.

Переходя к тому, что говорил об апокатастазисе о. Сергей, первое что нужно заметить, (2) это что в этом вопросе величайший богослов нашего времени, говоря вообще, не был оригинален, хотя многое уточнил, развил и укрепил.

Это ссылаясь на св. Григория Нисского о. Сергей учил, что мысль о бесконечности адских мук утверждала бы вечность зла и его совечность добру — что приводило бы к дуализму. (3) Но это не имеет в себе творческой силы вечности, и не может поэтому простирается в бесконечность.

Уточняя мысли св. Григория, о. Сергей говорил, что «вечный огонь», «вечные муки», «вечная погибель» не имеют отношения ко времени (4), но суть качественные определения.

(2) м. б. к опрочению тех, кому доставляло удовольствие (зоровое или болезненное) находить в титаническом богословском труде о. Сергия Булгакова особенные, странные, необыкновенно-новые, и несомненно со всеми мысли.

(3) Примечание: — к дуализму еще более безнадежному чем дуализм персидский, где Аура Мазда (Ормузд) — светлое начало, в конце концов, все же должно победить Аримана (Г. С.).

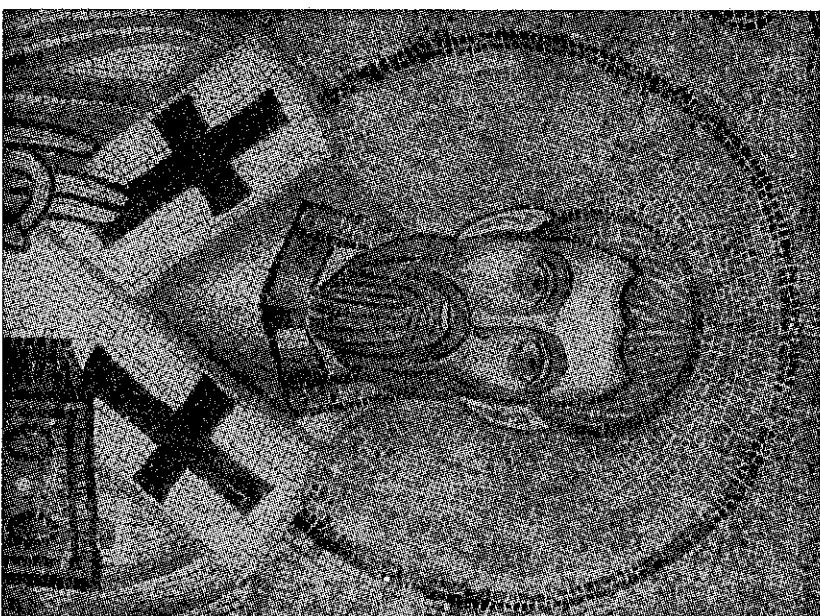
(4) Что касается слова «вечный», которое в Новом Завете употребляно иногда в качестве прилагательного к слову ад или геенна, то нужно сказать, что в Библии не всегда «вечный» эквивалентно «бесконечному». Так например, Бог дает время земле Хананскую во «владение вечное» (Быт. XV, 8), но мы знаем из истории, что эта «вечность» длится только до диспоры. Подумаем ли мы, что Слово Божие ошиблось? — Нет, не ошиблось, но «вечный» в данном случае не должно было означать «бесконечный». Другой пример: Обрезание было предписано Израилю как «вечный» завет. Однако в Новом Израиле обрезание было заменено крещением. Что же, Господь ошибся? Нет, не ошибся, но слово «вечный» не должно было и тут быть понимаемо в смысле «бесконечный»! То же можно сказать и о других установленных и предписанных, праздниках и посвященных ветхозаветных (Исх. XII, 14 40, 15 Лев. VII, 22 X, 9 XVII, 7 Числ. X, 8 II Пар. XVII, 14 XVIII, 13...), дававшихся, согласно Библии, «в восстановление вечное», тем не менее отвечавших и прекратившихся.

Есть два понятия вечности: с одной стороны — религиозное понятие вечности Божией, вечности Божественных атрибутов (любви, жизни, тринности, красоты, правды, неизменности, свободы, всеведения, вседеприсутствия...) вечности Царства Небесного. Эта вечность так же трансцендентна временному потоку, как Творец — творению. Эта вечность совсем не соизмерима с хронологией. Эта вечность качественной категории.

Но в Библии и в богословии иногда говорят о «вечности» в смысле именно как о хронологическом потоке, имеющем большую или меньшую продолжительность, (такую теоретическую вечность, продолжающуюся без конца, Гегель называл «дурной бесконечностью».)

Эту разность в понимании «вечности» нужно иметь в виду, чтобы не сделать ошибки: в некоторых случаях мы должны заранее отвергнуть толкование вечности как бесконечности во времени, как временного определения, но должны ее понимать как особую окачественность. Вечная жизнь в Боге, Царство Небесное и вечность адских мук не могут быть «вечны» одной и той же вечностью.

Если Царство Божие есть основа и цель создания мира, мирное его основание в Боге, то можно ли сказать, что при сотворении мира, в полноту его включено бытие ада и вечность его? Сопрошен ли Богом ад, если не в непосредственной реальности, то хотя лишь потенциальности? Или же ад есть созданные сатаны и ангелов его, как и подланных его влияние свободных тварей? И если в Мт. XXV,34 одинаково говорится о муке вечной النارю с жизнью вечной, то этим лишь определенно указывается существенная разница между обоими видами вечности. Между временем и вечностью отнюдь не существует того соотношения, какое обычно усматривается, потому что вечность есть не временное, но именно качественное определение. Такие определения как «вечное блаженство», «вечные муки», «вечный огонь» и их синонимы, вовсе не означают бесконечного времени. В них о времени говорится совсем не говорится, так же как не говорится о нем у Ио. ХVII,3: «Сия же жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа.» В эсхатологических текстах Евангелия говорится о вечности и вечной жизни в Боге как об обращенности к Богу, принимающей все бытие. Это есть видение лица Божия, жизнь с Богом, в Боге и пред Богом. О хронологическом же времени в Апостолище Иоанна прямо говорится, что на том свете «времени больше не будет» (Откр. X,6).



Св. Григорий Нисский
(Михайловская мозаика, Киев XII век)

Подобно св. Григорию Нисскому, о. Сергий останавливается на универсальном значении искупительной жертвы Христа. «Не за грехи ли всего человечества Сын Божий вкушил Гефсиманской скорби и Голгофской смерти?! Божественная вечность этих мук не была ли сосредоточена и изжита здесь на земле во времени?» (Тут ясно, что «искупление в вечности» не означает времени бесконечной длительности, а означает бесконечную божественную его интенсифицированность). Как можно забыть слова Христовы: «Нет воли Отца Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мт. XVII,14) и что отверженные Христом остаются все же в любви Его и объ-

емлются вселенской Его искупительной жертвой, которая для отверженных «на веки веков» есть искупительная жертва до тех пор, пока пребудет сила отвержения отверженных?»

Как святитель Нисский (и как Ориген) о. Сергий задает вопрос — распространяется ли совершенное Христом искупление на демонов?

Если ответить отрицательно, не будет ли это ограничением Божественной любви и силы искупления, которые не имеют границ? С другой стороны, имея в виду дарованную Богом твари свободу, — да еще не такую колеблющуюся и превратную как у людей, а уже определившуюся во зле как у демонов — ответить на поставленный вопрос положительно, мы этим ограничиваем свободу твари или просто даже ее устраняем! (и тогда вину за зло в мире и грехопадение переносим на Бога)

Здесь о. Сергий, вслед за Григорием Нисским, рассматривает вопрос о детерминизме судеб человеческого (и вообще судеб всей свободной твари) после Второго Пришествия и Суда, а в частности и вопрос о детерминизме («вечности») ада, и, подобно святому Григорию, отец Сергий считает, что в загробном мире процесс продолжается в вечности, продолжается путь очищения от грехов и, следовательно, вместе с Отцом Отцов он думает, что таинственный адский огонь есть огонь очистительный, врачевательный. (5)

Богословскую точку зрения людей настаивающих на детерминизме ада и вечности адских мучений о. Сергий называет уголовно-пенитенциарной. С этой точки зрения отношения Бога к миру определяются началом одного лишь мезовоздействия, вопреки прямому слову Господа: «Не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него» (Ио. III, 17), «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ио. XII, 47).

«Эта пенитенциарно-уголовная точка зрения наиболее уязвима со стороны теодиици: В ней принимается, что Бог от вечности

(5) Святой Григорий Нисский говорил, что в огне горят пустые предначертания жизни, что в адском врачевании совершается выдальчительная свобода человека. «Огнем прожуждается раскаженое. За порогом смерти рассеивается греховный облик и ослабевает и истощается упорство злой воли... Рано или поздно в течение долгого времени, истрепавшая сила огня истребит всякую примесь и зло. Это врачевание огнем и горькими лекарствами, может оказаться очень продолжительным, "со-размерным целой вечности" или "вечному времени". Но описание не может не закончиться!»

своей в творение мира ввел ад и вечные муки и дал им силу бытия наравне с Царствием Божьим, уголованным от создания мира. Таким образом, последнее свершение включает в себя онтологический провал, именно в его дуалистическом характере: наряду с вечностью Царства Божия утверждается одинаковая вечность ада!» Гогофская жертва оказывается бессильной для преодоления ада — о чем, выходит, напрасно радовались ветхозаветный пророк Осия и апостол Христов, восклицая: «Где твой, аде, победя?» (Осия, XIII, 14 I Кор. XV, 55)»

При уголовно-пенитенциарной точке зрения на вечность адских мучений, софийность мира находит себе предел в антисофийности ада, в котором царит тьма крошечная при отсутствии света Божия, — темная анти-софия. Здесь изнемогают всемогущество и Премудрость Божия, но поднимает голову иной принцип бытия, которого и Бог не может обессилить, или же, что еще менее понятно, сам его устанавливает.

Сторонники уголовно-пенитенциарного мировоззрения защищают свою точку зрения на вечность ада, видя в ней «тедологиическую пользу, чтобы избежать человеческой распушенности, дилетантизма, безответственности и фальшивого сентиментализма. Но надо сказать, что такая педагогика цели не достигает: богословское запугивание бесконечными страданиями в адской неизменности бессильно сломить человеческие разум и совесть, не принимающие «вечную» расплату за временные, хотя может быть и очень сильные грехи.

Отец Сергий не говорит, подобно Н. А. Бердяеву, что в наше время никто больше не верит в вечность адских мучений, тем не менее, учитывая современную психологию, он сомневается в моральной пользе запугивания: «Реально для человеческой психологии не абстрактно-бесконечное, но непосредственно предстоящее, конкретное страдание. И преобладание педагогики страха в эсхатологии, которое было, может быть, соответственно и действительно в психологии веков минувших, безусловно и скорее шокирует в наши дни. Мысль, предназначенная к тому, чтобы терроризировать души, цели не достигает. Ошеломляя ужасом сердца чуткие, парализуя в них сыновнюю любовь и детское доверие к Небесному Отцу, уподобляет христианство исламу, подменяя любовь страхом. Богословское запугивание является бессильным и неуместным как не отвечающее достоинству человека, призванному к свободной любви к Богу.

Бесспорно здесь должна быть в полной мере признана аксио-

ма, что всякое зло, в котором повинен всякий человек, должно быть им же самим, до глубины и исчерпывающе наказано даже в прощности своей. Оно не может быть прощено даром, невыстраданно, ибо то была бы не благодать, но противоречие правде. Правда Божия непримирима к греху. Он не может быть просто попушен и позабыт, но должен быть явлен пред лицом ее. Поэтому и сама мысль о том, что можно безнаказанно избежать последствий греха, есть безумная, малодушная и ложная. Речь может идти совсем не об уклонении от Правды Божией, но о христианском ее уразумении. И надо прямо сказать, что разум и совесть не принимают учения о вечности мук, понимаемой в смысле бесконечного времени, в неподвижной его неизменности, как это обычно излагается. Провозглашая бесконечность мук, этим мы утверждали бы вечность зла и совечность его добру, вместе с непобедимой ожесточенностью грешников во вражде к Богу.

Святитель Нисский указывал еще на телеологическое основание для учения о всеобщем апокатастазисе, говоря, что Божественная цель творения людей может быть достигнута только тогда, когда человечество, во всей своей полноте, действительно примет участие в блаженстве, ибо в этом цель Премудрости Божией.

Развивая эту мысль святителя, о. Сергий выводит еще так сказать экилезиологический аргумент в пользу апокатастазиса и говорит, что хотя Суд Божий есть Суд личный и совершается над каждым человеком, но вместе с тем, он есть и Суд всеобщий, церковный, ибо человечество Христово едино, и судьба каждого связана со всеми, и за всех ответвенна. «Поэтому уродливая и странная мысль, будто праведники, получив свою «награду» и в нее погружившись, немедленно забывают о братьях своих, во аде страждущих, разумеется, не может быть допущена!» Неужели от явления Бога-Любви сердца их оледеневают в себялюбии и терпят даже ту степень любви, которую они имели друг к другу до всеобщего воскресения? Напротив, отвержение отвергнутых в известном смысле поражает и все человечество. И праведники страдают от ада грешников в райских своих обителях. Спасение не есть только удел каждого в отдельности, но и дело любви, молитвы, усилия всего человечества. Поэтому ад есть общая скорбь. Тут мы касаемся тайны будущего века, которая входит в наше сознание лишь как антиномический постулат всеобщего участия в жизни рай и ада в их совместности. Существование ада окружено не

холодом себялюбивого равнодушия, но светлым облаком печенательной любви спасенного человечества, то есть Церкви, которая во веки пребывает, как единая, святая, соборная и вселенская. В ней единое человечество не разделяется как бы на два и не примиряется с отсечением одной своей части — ада, но богзвнует о ней. И хотя опять-таки нельзя этого болезнования одних о других истолковывать в смысле земного лукавства, некоей духовной даровщины, — ибо грех должен быть выстрадан и изжит, и должник не будет вышущен из темницы, пока не отдаст «до последнего кодранта», но — надо это прямо сказать, — и рай в полноте не существует, пока и поскольку есть ад, который есть как бы внутренняя для него граница.

Забвение «праведников», находившихся в раю, о грешниках, мучающихся в аду, было бы величайшим грехом, способным снова погубить в нем повинных, даже после их оправдания на Страшном Суде: этот грех состоял бы именно в том, за что отлучены грешники — в отсутствии любви к страждущему человечеству и в нем к страждущему Христу.

Тут весьма знаменательными, дорогими и поучительными для христиан словами преподобного Исаака Сирина, — на которые обращает наше внимание о. Сергий, — будут слова о сердце мняющем: Святой Исаак молился о возгорении сердца человеческого «о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и всякой твари: От великой и сильной жалости, от великого терпения сердца человеческого умиляется и не может вынести, слышать или видеть какого-либо вреда, или малой печали, претерпеваемой тварью. А посему и о бесловесных и о вратах истины, и о делающих ему вред, ежечасно приносит молитву со слезами, чтобы сохранились и были они помилованы...»

Учение о вечных и неизменных муках грешников — основное будто бы на невозможности покаяния за гробом — находится в явном противоречии с действительностью церковной молитвы об усопших, ибо принятие молитвенной помощи уже предполагает встречное движение душ усопших в соответствии с общим фактом деятельности духа, которому свойственно непрерывное продолжение жизни и новые самоопределения.

И Страшным Судом не прекращается изменчивость тварного бытия и временность его не замедляется «неподвижной вечностью» божественной, но им начинаются новые времена, уже не хронологические, новые «века веков», с новым становлением. Этого не

хотят понять сторонники криминальной эсхатологии, для которой «вечные муки» есть применение соответствующей статьи кодекса о наказанных через одностороннее определение суда, заранее устраняющее возможность оздоровления, прощения и восстановления.

Мы тут, в краткой статье, не можем касаться демонологии о. Сергия в связи с вопросом о всеобщем восстановлении, это потребовало бы большого и детального рассмотрения замечательных страниц, написанных им о метафизической пустоте и самости Денницы, оканивающейся его раскаянием; скажем лишь, что, по мысли о. Сергия, это может совершиться в силу тварности сатаны, который не может перестать быть творением Божиим. Ему остается присутствовать в реальности, которая не может быть замещена или уничтожена произволом ни от чего не зависимой дьявольской самости. В бесконечном числе кругов вечного самоповторения в пустоте, из которого состоит жизнь сатаны после изгнания из мира, оказывается включенным столь же бесконечное число раз повторяющееся сознание своей сотворенности, как причастности к бытию, сила которого есть бытие Божественное.

Победа над дьяволом требует и предполагает упрямление смерти и ада в творении, но тем самым его конечное от них освобождение и спасение. Речь может идти лишь о временах и сроках для этой окончательной победы над адом и сатаной.

Наша вера не может принять в качестве последней истины о Боге-Творце, что Он сотворил мир, предназначенный в своей части (сколько бы мала или велика она ни была) к вечной гибели или отвержению, отданной в удел абсолютного зла, от которой отвернется и сам Сотворивший ее!

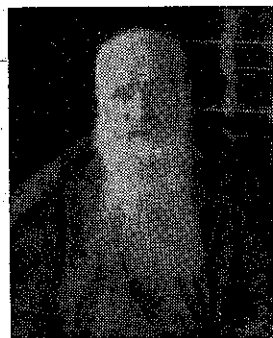
Это связано с тварной свободой как один из ее молугов. Свобода твари есть величайший дар Божий и царственная его привилегия. Но вместе с тем свобода твари не стоит в онтологическом противоречии с Божественным замыслом творения, который, очевидно, не может включить в себя вечной гибели, предназначенной хотя бы для части творения. Такую, если ее допустить, означала бы фактическую его неудачу, и даже не в одной только части, но и в целом, которое не мирится с этим ущербом так легко, как мирится с ним партизаны вечности ада.

Остается принять, что **конечные** судьбы мира в путях Божиих остаются независимы от тварной свободы при всей ее неустранимости в путях их свершения. Здесь имеет место некая **свободная**

необходимость: онтологическая непреложность основания и модальное многообразие свободы в жизненном его выявлении.

Кончая эти краткие заметки о мыслях нашего учителя, мне хочется напомнить слова апостола Павла касательно границ чредовеческой свободы: «Я преклоняю колена мои — пишет апостол Ефесянам — пред Богом, от Которого получает Имя всякое отцовство на небесах и на земле, чтобы дал Он по богатству славы Своей быть могущественно укрепленными Духом Его во внутреннем человеке так, чтобы вселился Христос в сердца ваши чрез веру, и вы были укоренены и утверждены в любви, чтобы вы могли достигнуть со всеми святыми, что широта, и глубота, и высота и глубина, и познать превосходящую познание любовь Христа, чтобы вы были исполнены всей полнотою Божией. А Тому, Кто, по силе действующей в нас имеет власть (свободу) сделать больше, безмерно больше всего того, о чем мы просим или помышляем, Ему слава в Царствии и во Христе Иисусе во все роды во веки веков. Аминь.» (Еф. III, 14-21)

Архимандрит ЕВФИМИЙ



RELATIO RELIGIAE

Один человек через призму сознания другого. Но так, ведь, всегда бывает: то, что фиксируется в мыслях, в словах, всегда есть отношение. Отец Сергей — большой человек, большого жизненного пути, как и больших, состоявшихся уже о нем, отображений. Но, по самой памяти о нем, в данном случае не безотносительно к величине, по движению сердца, хочется сохранить о нем личностный оттенок.

Военный беженец 1920-го года, в 1923 году непрощенный стипендиат Чехословацкого Государства я вместе со многими другими оказался той рыбкой, которая попала в невод Р.С.Х. Движения. Впервые на Сазавском Съезде, и на следующем за ним я был захвачен движением-полетом очень сведущих людей, людей высокого призвания, рассеянных, как бы даже, растерянных прошедшей Российской бурей. И в этих съездах была неожиданность Встречи, совершающееся новшество, новотворение. И тут не нужно говорить о каких-то лекторских или организаторских приемах со стороны старших и больших. Нет, — было их — к нам обращение — вопрошание. Искалась почва сердец для внушений живых. Эти съезды были сами по себе — чудесное, непреднамеренное, новообразовательное. Этот наряд и заряд Встречи, это чудо подымающих общений продолжалось немногие дни, для того, чтобы продолжаться будильно в буднях кружкового общения — изучения, которое само по себе было таким округлым, ладным для нахождения самого себя. И если съезды непреднамеренно умели запечатлеть свое дневание церковноисповедной и тайнодейственной печатью, то и кружок (Брненский) имел себя у сердца батюшки (отец Алексей Ванек, чех).

Многих избранных, не буду называть их, я встретил на порогах Христианского Движения, но не ошибусь назвать первым Отца Сергея Булгакова.

Движение и было моим первым Университетом, который тогда благополучно надстраивался, наслаивался на моем, тогда основном по раннему избранию души, образовании техническом. Через десять чешских лет, в 1933-ем году, — безработный инженер, я — на Подворье Сергиевом, в ведении и ведении о. Сергея. Этот второй мой Университет, забрав меня целиком, со знаком «Единоного на Потребу», не помещал мне, в учебное же трехлетие (курс был тогда трехлетний) совершить мутацию: после первого курса был я посвящен в диаконы, на втором курсе стал я иеромонахом, на третьем — настоятелем у монахини Марии, что и стало затем моим третьим Университетом: не приходское, ежедневное служение в храме самодельном, у монашек, пожизненное, составило мою священническую благую судьбу.

Трехлетие 1933-1936 при всей своей образующей напряженности было для меня вполне скоротечным, и не ставило меня в линию избрания какого-либо из предметов изучения для ученой специализации, но научный интерес во мне, сорокалетнем, упражненный знанием теоретико-техническим, как свойственное мне и мое собственное, настораживал меня в отношении всего знания академического. Так выходило, что специальности А. В. Карташева и Г. П. Федотова без труда для меня помещались в пределах гуманитарного знания, что не относилось уже к их историсофским построениям. Помещать же экзегезы Священного Писания и соотносящиеся им богословские предметы в пределах гуманитарного знания, как потом в моих построениях оказалось и показалось, и совсем бессмысленно. Но, если Священное Писание есть Конструкции, вернее, — если оно священствуется в Богом созданной Конструкции, исполненной Меры и Цены; если Священное Предание есть Конструкции, а Богослужение в нем действует конструктивно; если в Учении Отцов есть Конструктивные построения, и, в основной линии: Константиново Храмосзательство, видение Креста, Иерархии Ареопагитик, и по следу их — Исааков, Исаака Сирина, Ангел, а затем, передача в русское последование, Софийные Храмы и назревающая, затем, русская Святоотечность; — то, для всех этих «если» русская Софиология и есть это «ТО»: — то, что нужно для разума, что честно перед Лицом Бога. Итак, — охватывая десяток исследований позднего отца Сергея, что же я ему скажу.

Вы возглавляли гуманитарную богословскую школу и Вы вели главный ее предмет, догматику, в пласте гуманитарного знания. — А это не есть ли ложе Прокрустово, отрубющее и саму голову Догмата. Вы, в числе трех: отец Павел, Вы и А. Ф. Лосев, перед самой бурей, в предугрошенное победы над ней, дали Научение Истины, — Вы с ними — Учители Церкви, представители русской Святоотечности.

Говорят, что отец Сергий не только создавал, но и мучился неспособностью своей к формальному знанию. Для громадной всеохватывающей содержательности своих исследований он находил только объем и литературную форму. Но этот недостаток имел сторону выгоды: делал отца Сергия проповедником: неформализованная содержательность живой мысли, при движении его богатого в Боге сердца доходила до умов и сердец: был отец Сергий славен.

Интересно, и важно сказать, что отец Павел, в знаменитом своем труде, в содержательной его цельности тоже остался при литературно-гуманитарном его исполнении и вызвал восхищение даже «патрологов»; математическую же оснастку привел только для решения двух частных проблем. Очевидно, что и физика его была только знанием околоположным для Богословия. Только один А. Ф. Лосев дал Делушкию, табличную показанность Действования Трех в Софийном Чепертгом, при мезональном начале и в одежке Давыка.

Любя отца Сергия, в это последнее его жизненное десятилетие заимствуясь от него в содержании, я восхожу к этой ранней страничке, там в России, когда три кита софиологической мысли имели свой взаимодополнительный голос. Когда издавалась Философия Имени Лосева, престала, там в России, эта гологоность. Издавалась, просучулась в печать, при великих купорах, при неупоминании слова Бог и слова Ангел, небо. И вот, этот момент Лосевского последнего векрика в Софиологии, живой и в удущении, и есть для меня вершинка Учительного Действия. Три действующая, три кита патрологии отечественной, святоотечности учительной. Жив восьмидесятилетний Лосев (на два года старше меня) таится в основном своем Учительстве, имея алиби учительства в рамках античной философии, дозволенной. Такое же ли алиби имеет учитель основного Богословия. Хотел бы я видеть это пособие для учащися «на багюшкку», а, главное, чтобы о нем подумал сам Лосев! Не слежавшийся ли патрологический сухарь, программиро-

ванный «по предмету» изучения, опробованный в помешании старого патрологического двора. И — главенствующая академия, в профессурах, доцентурах творящая увековечение того, сфабрикованная трупположность кого, яко бы для мирового парада, помещена у стены Кремля.

Сознательно я существую в функции семика книг отца Сергия: Большая Трилогия, малая трилогия и Петр и Иоанн — первоапостоля. Они для меня всегда имеема и умеема наполненность содержания, самоаконно-творческая, самобытная. Но нужно, при этом, сказать, что это имеемое и умеемое содержание не имеет оформления числовного и языкословного. Тут во мне говорит инженер, вся сила научного устремления которого делит в конструируемую сторону софиологического охвата, в со-с-Троение.

Во первых, — Дом Премудрости, а затем уже Сама, обитающая в нем, Премудрость. Момент видения — раньше момента видения. И когда в годах выходила та или иная книжка отца Сергия, прочитав ее, я откидывал и говорил: вот тут все сказано о том, что не дано в форме Все. Познавательный мой примитив говорил: увидев, — скажи, сказав, — покажи. Вся моя работа — показ всего того, что у отца Сергия было — сказ. И этот сказ взят от него целиком. Кажется нет другого человека, который больше чем я, был бы благодарен отцу Сергию. Его мыслительное, смысловое присутствие в богословском содержании и меня делало доскональным в показании. Конечно моя благодарная душа имеет к нему и упрёки, в основном они касаются, как уже сказано, к области представления, а не мышления.

Главным моментом кинезиса Софийной конструкции является сочетание двух представлений: представление Триады, как таковой, и представление Тетрады Творения. Построение Лосева в последовании его семи энгерем есть последование Тетрадное, в определении которого, конечно, участвует и Троице-Личный и тринно-Софийный принцип. В Философии Имени, уже не Лосева, а Философии Имени самого отца Сергия обнаружилось, что отцу Сергию не дано было представление Тетрадности бытия. Он всецело был под знаком Триады, и он массивовал Триадное содержание, там, где было тетрадное расположение. Две главных неудачи:

в Философии Имени — спор с Кантом,

в Большой Трилогии — смещенность ее в отношении Действий Лип в Тетраде.

Если для меня «Ф. И.» Лосева была книгой символической, то до нее и на первом месте стала Критика Чистого Разума. Тетрада Канта — это тетра триад 12 категорий. Установив с несомненностью (взяв из школьной логики) тройственность суждений в каждой из сторон тетрады, он тотчас же оговаривается, что никогда не будет известно, почему определена-определяет тройность. И чем больше Троицы он не видел, тем отчетливее выступала Тетрада: слепота Канта была благодарственной для науки: она дала: вещь вообще, вещь в себе, четверицу терминов, определяющих-определенных Богом и соответственную — для Ничто: — истиннейшее узрение при слепотствовании в его обосновании, при отсутствии малейшего луча Откровения.

Весь в осязанных Откровения не увидел отец Сергей этого Демонстратива Кантовой науки, средостение знания, и из оставшихся двух огнистей Канта: антиномии и идеи (еще и паралогизм) и он и отец Павел и Лосев размножили только антиномии (потеряв строгость вывода Канта).

В середине книги философия Имени отец Сергей делает прямое нападение на «схемз» Канта (еще его, Канта, отличие), т. е. применимость, применимость, применимость представлений странства и времени к понятийным сказуемым (категориям-12). Орудием нападения он берет триаду, характеризующую предложение, — подлежащее, сказуемое, связка, направляя ее до значения Триады Перводогмата, т. е. в Рольях Отца и Сына и Святого Духа, и сейчас же убавивает, говоря: суждение-предложение, что уже есть тетрада в Тетраде. Это — случай удивительного двоеположения субъекта, один раз в связи с объектом, другой раз — предикатом. Один раз творимая земля определяется Деяниями Неба во Отце «иже на небесех», в другой раз — совершение совершенств неба совершается творящей Землей в Духе и Деве. Таким образом, нападение отца Сергея оказывается беспредметным, и проявление его неведения Тетрады, нагромождавая триадные толкования, сминает конструкции. И исключительный служитель Премудрости, во сто процентов создавший Ее содержание, не оказывается в Доме Премудрости. На путях больших мировоззрений возникают и большие недоразумения.

Цельное представление с необходимостью включает и Триаду и Тетраду, и, в конце концов, именно Тетрада несет на себе многие, но вполне счетные, отметки Триады, а в заключительном Субституте три пункта Софийного Закрепления: один, третий, в

третьем Небе — Саму Богородицу (о Величии Которой, кроме церковных прославлений, нужно спрашивать только у отцов Сергия и Павла), как Софию Третьего Неба, Софию Впасахленной Земли, в Ней, Богородице, уже ожившей Новотворением и Новым Именем.

В среднем Небе, небе Посредника, Христовом, Софии Крестной Небе, Субститут Жертвы Отдания и Питающей Взятости Тела и Крови.

И, наконец, в Первом Небе и во-первых, Огненного Ангела, Софию Неба, Исакова Ангела, о котором он говорит: «Горнии чины в бытии — простираются от чина в чин, пока не достигнут к единству паце всех великого и могущественного Главы и основания твари. Главою же называю не Творца, но Стоящего во главе чудес дел Божиих. (слово 17)».

И еще: «Низшие учатся у тех, которые проникают на них и имеют более света; и таким образом, учатся один у других, входя постепенно до той единицы, которая имеет учителем Святуо Троицу.

И самый опять первый чин утвердительно говорит, что не сам собою учится он, но имеет учителем посредника Иисуса, от Которого примет и передает низшим (18). Стопроцентную, яко бы, у отца Сергея выраженность богословского содержания приходится убавить: нет у него этого Исакова (Новгородского) Ангела. Тем более, нет его и у патрологов англи-софиан, возразивших отцу Сергию.

Это и ставит вопрос о смещении у о. Сергия трилогии большой в отношении поместности Действий Трех Лиц в Тетраде. Малая трилогия — без смещения:

- Отец, — Первое Небо, — Девятица Иаковля,
- Сын, — Второе Небо, — Друг Жениха,
- Дух Св. Третье Небо, — Купина Неопалимая.

Для большой: —

- Отец, — Первое Небо, —
- Сын, — Второе Небо, — Ангел Божий,
- Дух Св. — Третье Небо, — Утешитель, аппендикс об Отце.
- Третье Небо, — Невеста Агнца.

1-ое Небо — нет тома, посвященного Институции Отца в Творении, тем более нет Его Софийной Субституции Ангелом Огочим.

2-ое Небо — есть том об Агнце Божиим, который уже по самому Своему Воплощению и Жертве дан не только в Институте Сына, но и Субституте Софийном, Насыщенном.

3-ье Небо — есть том — Утешитель, в Институте Духа, но и с Конститутом Церквы, в Нисхождении на Апостолов, нужно думать и на Деву, как бы Она и ни была облагодагтована в Благовещении.

— есть том — Невеста Агнца, Дева в Субституте Духа, ставшая Софией (по терминологическому преимуществу в ряду: —

Святая Сила, НАД, Святой Мир, НАЕ, Святая Премудрость, НАΣ), по Успении Своем, по Воскресении Своем ставшая в Пасху Сына в Теме Своем, Виновица Теда Сына, по преимуществу над Сыном, унесшим Свое Тело в Вознесении, ставшая Пасхой Всовершонной Земли усийно, субстантно, субститутно. Она больше Пасха, чем Сын. И Она больше София, чем Ангел и Причастность. И это и Ее Личный Ангел и Ее Личный Сын.

Но Конститут Церквы есть не только в Небе Духа и Девы. Дополним перечисление в Ехаристических категориях: —

«Сотвори» — обращение к Отцу в Его Небе, т. е. не без субститута Ангелом («ниже Херувимы»), и в Конституте служебности Апостола Петра.

«Есть Тело, есть Кровь...», — установительно субституирующее слова Институирующего Сына в Конституте служебности Апостола Павла.

«Предложив», — в Институте Духа, в Субституте Девы, в Конституте Апостола Иоанна. /«Израдно о Пресвятей»/ /«Се сын Твой»/.

Ради полноты Конститута Церквы, сельмай после двух трилогий книга отца Сергия должна бы называться: Петр, Иоанн и Павел — Первоапостолы. Два из них имели «на горе» на себя и

на себе отображение Преобразившегося Господа, третий получил его «на пути». И они Священнописано и Священнодейственно образовали Три Источничествования Троеличия, Кон-Суб-Институт Окровения Церквы в Теме и Крови Жертвы, отвершей Софию Божественную, НОΣ.

Другое замечание:

Отец Сергий был так много содержателем, так существенно обогнен в своем Богословствовании, что видя Тетраду, руководствуясь представлением Тетрады, вы можете из его собственных строок сконструировать этот недостающий том его Большой трилогии.

Отцов отдел Тетрады — это в лучах-путях действований Троеличия — развитие, строящее развертывание ангельских иерархий, низвергающих творимый Шестоднев Моисея. И вот, — Дествица Иакова и толкование Шестоднева у отца Сергия прерасны, значительны неповторимо.

Да, отцу Сергию можно возражать, нужно возражать горячо, от сердца. Но, сколько я знаю, этих возражений не было в допетловском порядке, в виде диссертации. Наука школы, как таковая, всегда есть что-то такое, что определяется оценкой — очень хорошо. Научная диссертация — очень хорошо, сам представитель Орло — очень хорошо, научный журнал — очень хорошо. Отец же Сергий был и Орло и СверхОрло, и доцент не решался строить свою карьеру на его критике. Отец Сергий защитил себя своей творческой значительностью, своей, как я это утверждало по горячему, в горячей современности, — Святоотечностью.

Учитель Церквы — над учителем школы.

Мои же собственные построения — школыны, глубоко школыны, но новоязкольные (для гуманитарных умов, конечно отращающе школастичны). И это — в притык и в упор построениям отца Сергия, отца Павла, А. Ф. Лосева.

Живы мы еще, — свидетели последнего жизненного десятилетия отца Сергия. Бывал он гостем нашей монашеской группы. И было у него какое-то удивленное, увеличенное внимание к нашим малым делам и обстоятельствам. Некоторые монахины знали его еще в Крыму в начальный период его священнического служения. «Это вам будет не по зубам,» услышала в Кореезе одна из них, тогда молодая послушница, просиявшая у него книгу Доброто-

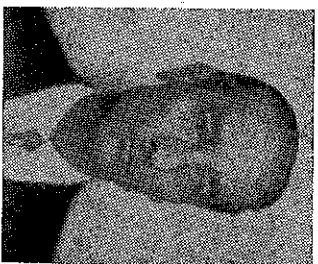
любие. И вот за ней четыре десятка лет добротного делания, унанного сердцем блага.

И другая и третья — знали его еще в Крыму, и там и в Париже были в его окружении, и в его благом влиянии, для них незабываемом. Умирал он на руках троих монахинь тяжелых, долгим умиранием, не без момента яркого прояснения (как это бывает и у других). И в нашей священнической линии произошло прошение, кажется, им же составленное, об ускорении часа смерти.

Большое Человеческое Величит Бога: » «И больша сих со-творите».

В днях Боговоления 1972 год

К. Я. АНДРОНИКОВ



« РЕВНОСТЬ ПО ДОМЕ ТВОЕМ »

Уже больше знаешь людей умерших, чем живых, две стороны «диптиха» не равны: многозначительно длиннее черной помянки. Но несколько имен и в нем горят красными письменами. Самое блестящее среди них: отец Сергей.

Все же, запрос «Вестника» берет вразумок: «Если Вы знали лично о. Сергия, какую роль сыграла встреча с ним в Вашей жизни, и в развитии Вашей мысли знакомство с его прозвещениями; и как Вы распознаете теперь его творчество?» На два первых вопроса, пожалуй, ответить могу без нарочитого размышления, поскольку речь идет о личном восприятии, в моем существе, и оно глубокое. А на третий вопрос? (Да еще он задается за две недели до выхода номера). Тут я по-дегски растерян и чтоб не остаться безголовным на призыв, могу только намекнуть, в беспорядке поспешности, на то, что мне представляется неотразимо ясным и ярким в творчестве Булгакова, как его будут называть не только историки (прошлого), но и все богословы (занимающиеся вечным, настоящим и новым в Церкви).

А что светлее всего держится, как пламя, в памяти, это во-первых личность отца Сергия. От его лица, а потом уже от его трудов, словесно подтверждающих и развивающих этот бытовой огонь, стало ясно, что подлинный жизненный путь человека — подвиг и пророчество в действии; что для писателя, поэта, философа это означает подвиг и пророчество мысли и слова в свободе, т. е. служение истине, сиречь — **жизнь в Церкви. Без Бога Слова**, мир действительно «проторок» (как раз обратно тому, о чем порой горезаг Розанов) а я, в этом горьком миру, лишь пугаюсь

или призрака, бродящий по поверхности безликого, бессмысленного и далеко не тихого океана.

При всей надлежавшей скромности, следует ли, во имя пасивной «объективности», отрывать от своих «субъективных» восприятий и собственной биографии мысль о крупнейшем человеке и о его творчестве первостепенной важности в нашей истории. Именно поэтому, что о. Сергей Булгаков чрезвычайно субъект, т. е. деятель современности, думать о нем требует прежде всего определения, хотя бы чертания, личного отношения к нему, реакции на него, на то, что он дал и задал, от чего именно в глубокой степени зависит и своя собственная принадлежность к жизни и заданию времени и, по возможности, свое участие в них, не как неодушевленный предмет, количественный элемент социальной статистики, а как сознательное, ответственное и действительное, хотя бы и маловажное лицо.

Говоря об истории, я конечно имею в виду ту подлинную историю, о которой размышлял о. Сергей, где свершаются судьбы мира, т. е. обещание и воля Божия о Царстве Своем; иными словами, историю христианства; точно — Церкви, осуществление которой метаисторично, эсхатологично.

И это первый урок о. Сергия (однако, тут-же себя спрашиваешь: где первый, где второй, где последний? Такая порядкованность имеет смысл только для постепенности разума и его «синтаксиса», а не для духа и «жизни жгительствующей». Этим и объясняется принципиальная невозможность свести, «реципировать» живое лицо и живую мысль к какой либо сокращенной схеме, которая целено выражала бы истину о человеке и о его деятельности на земле, в пространстве и времени. Чтобы их постигнуть, нужно не извлекать из них систему, а в них вживаться). Но поскольку даешь себе задание философствовать, т. е. описать истину, на что посвятил себя Булгаков, то приходится подчиняться законам дискуссии, рационального изложения по мере исследования и по ступени мышления; и о. Сергей, неизбежно последовательно, строит систему. Но все его **априорные** положения, т. е. истинны веры, на которых основывал и из которых выводил систему, — на лицо, все на первом, на единственном «плане» тайны единственности, **омоусносса**, следуя в этом гениально разработанной центральной интуиции своего лучшего друга и сподвижника, о. Павла Флоренского: Истина и, следовательно, источник всякого умоствования — Пресвятая Троица. «Догмат Троицинства является... неизбежным основанием всякой философской мысли... Истина о Свя-

той Троице, взятая в ее полноте, является действительно возможным основанием гармонической философской системы. Таким образом устанавливается связь между философией, как естественной проблематикой человеческого разума, и догмой, как боготворенным ответом на нее» (**Трагедия философии**).

Итак, скажем условно, что первый урок Булгакова, это, что «история мира совершается на небе и на земле и под землею» (**Апокалипсис**). Вся вселенная, пространственная и за-предельная, временная и вечная, вся совокупность веков и бесплотных, живых и мертвых, все существа по сю- и по ту-сторонние творят и развивают, или тормозят и искажают историю творения, которая протекает между началом, т. е. изгнанием из Царства, и неизбежным концом, т. е. окончательной оценкой и восстановлением в Царстве, «его же не будет конца». Настоящее дело в том, что «мир создан Богом как Церковь в своем основании и своем совершении». Следовательно, «судьба мира есть история Церкви» (**Очерк учения о Церкви, Путь, 1/7**).

Из этого изначального положения вероисповедной истины, Булгаков так наглядно и логично показывает, что «в христианстве зарождается новое чувство жизни, что человеку не надлежит убегать из мира, но что Христос приходит в мир на брачную вечерю Агнца, праздник **Богочеловечества**» (**Агнец Божий**).

На этом поприще, пройденный Булгаковым жизненный путь еще более важен и, может быть, плодотворен, чем его философское и богословское наследие. О последнем будут спорить (хотя и не так легко будет оспаривать) — до сих пор никто за это не взялся. Единственная продолженная попытка была направлена на осуждение, со стороны враждебной фракции иерархической власти, но оказалась грубым недоразумением, не только не состоятельной, а буквально безграмотной: большинство аргументов несли в себе-же доказательство того, что их авторы Булгакова не читали или не домыслили; несомненно, самые «щепетильные» места не так легко освоить, если не вчитаться во все богословие Булгакова, в частности в страницы, в которых он подробно объясняет почему и как он богословствует (**Свет Невечерний, Догмат и Догматика, Трагедия философии** и т. д.). А о его жизненном подвиге следует размышлять с благоговением. На этом пути он был пророком и свидетелем. На этих ступенях библейского звания и церковного делания он стоит и остается. А труды его — иконострация, выражение во вне внутреннего умоствования. «Ты был апостолом в твоей жизни, мы держим это сказать... Ты был

христианским мудрецом, ты — учитель церковный в чистом и возвышенном смысле слова. Ты был просвещен от Духа Святого... которому ты посвятил свой ученый труд. Он превратил в твоей душе **Савла в Павла**. (Митр. Евлогий: Слово перед чинном отпевания о. Сергия).

Уместно, ибо точнее всего, прибегнуть именно к образам Писания (которые почему-то всегда стесняются применять к людям, кроме как к давно отошедшим в прошлое святым, тогда как именно к нам обращены и должны служить мерилом), чтобы напомнить о биографическом пути о. Сергия: он вышел из священнической среды, беспрерывно дававшей нерев (с времен царя Алексея Михайловича), действительно вышел в мир, как блудный сын; однако не продав всей доли своего наследства, лишь припрятав талант. Но ему был дарован не один: веру он зарыл, как раб, но сохранил любовь к истине и ревнивую надежду ее открыть, как волхв. И как «полный Израильянин, в котором нет лукавства», он посвятил свою ревность исканию. И показал себя праведником. Честно и отверженно ища правды здесь, сейчас, он с кафедры проповедует и в кабинете пытается доказать благополучно безобидное и марксистское царство хозяйства. Но сам процесс его «объективного» оправдания требует проверки не только на фактах, но и испытанием беспощадной логики, т. е. проверки философии Маркса и материализма философией-же. Со страданием, Булгаков должен склониться перед очевидностью: не только факты никак «не клеются», но сама диалектика ума доказывает, что от здания экономического материализма, помимо его уважительного морального пафоса (т. е., к тому-же душевного, а не материального), остаются одни развалины и что Маркс — не живой властитель умов и истории, которому должно служить, а труп, вокруг которого слушаются сомнительные «корды».

Не менее известно, как, с вновь обретенной верой, но, на этот раз все решающий раз, не в частичную правду, а в Абсолютную Истину, Булгаков возвращается в Отчий дом, чтобы стать «верным рабом» Господним, т. е. свободным и творческим наследником непреходящего Царства. Булгаков становится не только студентом, но и ярким учителем Церкви.

Этот путь души человека — от тьмы стихийной утопии самодовлеющего материального устройства земли к христианскому мироозерцанию и созданию, от подчиненного смерти мира антихриста к жизни в Церкви при деятельном ожидании Второго Пришествия, — и есть пророческий путь, начертанный для русской интел-

лигенции одним из самых передовых и духовносых личностей среди такой поразительной кучки ее представителей, возвавших и услышанных «из глубины». Впрочем, в сию минуту истории, стало достаточно ясно, что этот горный путь должен быть пройден не только русской интеллигенцией, да и вообще не только интеллигентами, не теряя надежду даже на то, чтобы продолжать и развивать нашу культуру и наш мир, а то и просто сохранить их и донести до положенного, нам неизвестного времени, т. е. их спасти.

Лично, в моем молекулярном отрезке мирового времени, какую роль имело соприкосновение, а потом живое сношение с религией. «Религия есть жажда божественного, неутоленная, но утоляемая, зов земли к небу и ответный голос с неба. Не всем дано в одинаковой мере знать в своем личном опыте оба полюса религиозного переживания: зов и ответ. Многие знают муку религиозной жажды гораздо сильнее, чем радость ее утоления» (Тихие Думы).

Париж, 1941-й год. Война. Оккупация. Пылание внешней истории и жуткий холод, растерянное терзание личной жизни. От официальной военной повинности освобожден, подпольная борьба — не по нутру, обреченная на дождь пустых идеологий и маскировку просто несоразмерную с результатами. Да и не в этом дело, «только это, а не то». Неумолимый вопрос всех духовных подросков: кто ты, куда и за кем иди, за что? Литература — эстетична, но и пуста без философии; последняя — бесплодна, когда не дает содержания жизни; наука — суха до пустынности, нет в ней ответа ни на одно «почему» и ни «кого» в ней нету. Будучи по всей вероятности духовно не очень одаренным молодым человеком, я лишь присутствовал на службах, богословской «проблематикой» почти не волновался, да и мало что о ней знал, еще меньше создавал пути церковные. И все-же, все-же, несмотря на лепет чтеца, на поразительную редкость последовательности в проповедях, на патку хорошего сладко-пения, растворяющего и без того не ясные слова, на отсутствие всякого истолкования уместного или мистического содержания, на всю эту внешность обряда и церковнослужителей, вызывающую скорее «эмоцию» и «настроение», чем вдохновение, — на этой гармоничной совокупности, в присутствии прозорливых икон, сочилось куда-то в личную глубину что-то дивное, необходимое, незаменимое, належащее на самое главное, на «единное на потребу» теперь искомое, но все же непонятное.

Было вполне логично пойти спросить «глаголы жизни» и дорогу в этот светло-гуманный Китеж там, где специалисты этого дела естественно должны были эти глаголы объяснить и ключ вручать: в духовной школе, с трепетной надеждой обрести посвящение, чуть-ли не святость.

Парижский Богословский Институт до того славился, что вызывал опасение у ортодоксальных церковных людей и недоуменную улыбку среди светских (вроде, по своему, не менее благочестивых, чем те). Поступление в духовную академию рассматривалось первыми чуть-ли не как монашеское пострижение, бесповоротный уход из мира, а последними — не то как дворянская блажь, не то как интеллигентское самоубийство.

Так, ища арканы и гностических эонов, засгнчиво поднялся я по распластанным ступенькам холма Свято-Сергиевского Подворья, казавшегося грозным, как обитель, и мудрым, как лес; и боком пересутил порог секретарского присутствия. Попадал в запыленную библиотеку. Оказалось что дело состояло в том, чтобы «грывать гранит науки», по суровым словам профессора Карташева, т. е. зубрить предметы вовсе не мистической программы курсов. Извольте включиться в череду зубривших и зубрящих студентов, в большинстве уже поседевших, голодных, под утренней сылкой на работы в Германию, и сидящих в голых, кроме иконы Паламид, и, как у себя дома, холодных помещениях.

И вот курс об Откровении Иоанна, знаменательная последняя академическая работа о. Сергия (что тогда знать не могли). В комнате с засаленными оконцами и книгами, на скрипящих стульях, вокруг хромого столика, за которым восседает не большой Моисей Микел-Анжелю. Не голосом, а каким-то иступленным хрипом (ему вообще запрещено врачами говорить), с припертым дыханием через трубку, вонзенную в горло, где она держится и он ее теребит, Булгаков, с ошеломляющей простотой и с прониковенным жаром ликования, трактует о тайне, о Церкви, о Троице; но и научно-критически разбирает текст. Немедленно ум и сердце слушателя загораются: «можно сказать, что способность к радости является одним из важных мерил духовного состояния» (Тихие Думы).

Какую роль «сыграли тогда в моей жизни и мысли знакомство с его личностью и непосредственное проникновение в его творчество, и как их оцениваю теперь?» Итог можно будет наметить только на смертном одре, да скорее еще после, только тогда, когда будут найдены все данные, как и для всякого человека, вклю-

чая и самого себя. А пока набросая просто пунктиром, как бы на лад импрессионистов, наиболее яркие, вдохновляющие черты этого великого, примерного и цельного человека, поневоле беспорядочно, без приоритетов, и по преимуществу его-же словами.

«Бог есть — поет небо, земля и мировые бездны. Бог есть — откликаются бездны человеческого сознания и творчества» (Свет Невечерний). Все богословствование и состоит в размышлении над этим «есть», в изучении и описании этих «бездн», в их взаимоотношении. «Бог и мир»: так точно суммировал целеустремленность Булгакова его внимательный и проникательно любящий спутник, Д. А. Зандер, давший такое заглавие своей двух-томной полнейшей и яснейшей толковой хрестоматии трудов о. Сергия.

Если Бог — Творец всего бытия, а человек — микрокосм (т. е. он воздвигает и «рекапитулирует» вселенную, а не наоборот, не она его поглощает), онтологическая связь между ними, бытийный корень мира и познаваемый сущий на небе как и на земле — Тот, «Им же вся быша», Который из Троицы волюнтариса и открылся: Богочеловек. Этот догмат, по существу, является таким образом основой и условием сине ква нон всякого богословствования. О. Сергий с поразительной последовательностью это излагает и распространяет на все догматы. Они именно имеют богочеловеческий характер, как и Логос из которого исходят. «Догмат не есть столько формула сознания и знания, ибо свидетельствует о неопостижимом для нас, сколько указывает пути, истины и цели религиозной жизни. В него вживаются, и жизнь в Церкви есть не что иное, как это вживание в догматы, приближение к тайнам божественной жизни... Но догмат имеет и философский смысл» (Трагедия Филос.).

Отсюда «должны быть связаны между собою алтарь» — литургическая, молитвенная деятельность в созерцании тайны — «и рабчая келлия богослова, вдохновения которого, в глубочайших своих первоисточниках, должны исходить от алтаря» (Догмат и догматика). Если стоит здесь подчеркнуть самые живительные уроки о. Сергия, опять таки в цельности жизни и мысли, то это — «каскеа труда и научный догмат», в чем он был безупречен (до того, что его даже в этом утрекали успешные читатели или переводчики, вроде меня). И не сам-ли он обретаал перед престолом ехахаристии названия своих проказведений?

Но, как и Богочеловек, догматы «не связывают творчества в его свободном вдохновении, но его определяют, как данная, хотя и сокровенная, истина» (Догм. и догматика). И это его

незабвенный урок о смысле творчества в Церкви, по завету Христа: «Делайте, ибо Я делаю!» Кто из учеников о. Сергия не помнит его одновременно восторженное и перед Преданным смиренное слово: «Дерзайте!» И его излюбленные цитаты, в которые он пригласил вживаться: «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос!» (Гал. 5,1); а по поводу аскезы и долга свидетельства: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ» (1 Птр. III,15).

И жизнью и писаниями, о. Сергий действительно «давал отчет» в реальности своего посвящения Истине. Продолжение догматического, церковного творчества, «после семи вселенских соборов, должно явиться живой связью между ними и современностью» (На путях догмы). Нет ни одной «темзы», ни одного бытового явления, которые не подлежали бы христианскому осмыслению и освещению, по возможности осязанию, поскольку они принадлежат подлинной, церковной истории человечества.

В личной и общественной жизни, он — профессор, пастырь, исполнитель священных таинств, исповедник, друг. В глубине своего «я» он переносит победу «жестокости» испытания, для него вероятно самые тяжелые, которые такой человек мог выстрадать и не погибнуть. «Огненного искушения не чуждайтесь», страшно и ему сказал Апостол Петр, а Павел (впрочем не менее страшно) утешает: «верен Бог, который не попустил вам быть искушаемыми сверх сил». После искуса интеллектуального (крушение кумира под напором своей собственной беспощадно честной мысли), сердечное испытание: изгнание из самого задушевного для его плоти, крови и культуры, из родины, и наблюдение за оквернением ее святости; потом, физическое и психологическое: он, человек слова и проповедник, преподаватель и совершитель богослужебных возгласов, лишается голоса, утонченно, — он следит в зеркале, как ему бережно вырезают голосовые связки. Наконец (а может быть было и другое?), мистическое: он испытывает, сходно с Мотовиловым, но не аналогично ему, плотское и душевное умирание и крестную оставленность Богом.

В выражении своего творчества, Булгаков также перенес тяжелое испытание. «Все христианство стоит перед великими и новыми задачами... все христианство по новому создает необходимые общецерковные единения и его ищет... Мы свободны в своем богословствовании, и наша свобода есть церковная свобода, верных и любящих сынов Церкви, а не возбуждавших рабов. Мы хотим свободной преданности Церкви, верности ее преданию,

но верности творческой», исповедовал он на актовой речи Парижского Богословского Института (При реке Ховаре). И кто с ним и большей частью благодаря ему не убежден, что «пришло время для православного уразумения истории догматов, в качестве догматической диалектики, в которой раскрывается для богословской мысли церковная истина»? (Агнец Божий). На этом полвие, о. Сергий тоже подвергается догматически-духовному соблазну и искушению: его заподозривают в ереси.

По этому поводу Вселенского Собора не будет, потому что и ереси никакой нету: сам автор достаточно расхожовал, что его богословствование — личное размышление о догматах, на них основанное, но их не перепределяющее. Кстати сказать, напомним, что, на булгаковском философском языке, Богочеловечество выражает догматическую общность Бога и человека и что Премудрость, пресловутая «София», подобно Богочеловечеству, — соответствует интуиции русской религиозной мысли (см. Соловьева и Флоренского, основанная на Ветхом Завете), которой о. Сергий пользуется и которую развивает, чтобы дать отчет о необходимой общности и одновременно о нестижимой и непреходимой разнице между Творцом и творением. София, Божественная и тварная — мистико-философское понятие или категория, позволяющая связать апофатическое богословие и абсолютную тайну Пресвятой Троицы с философией и относительной тайной человека и космоса. Софиология, таким образом, должна рассматриваться, в смысле философии мира, как экзистенциология. После Булгакова, я просто не вижу, как можно было бы, рано или поздно, обойти эту категорию богословия при толковании проявления и откровения «Божественной плеромы», которую о. Сергий и называет «Софией» (уже в Траг. Филос.).

Оставим это до времени, чтобы просто отметить исключительную, пребывающую ценность Булгакова в том, что он именно с догматической точки зрения, т. е. православно церковной, разбирал все темы, входившие в его мировоззрение: от человеческого земного обрабатывания (Филос. Хозяйства) до О чудесах Евангельских и англологии (Лествица Никовли), от Пикассо (Трип красота, Тихие Думы) и Мопарта и Сальери (там же) до Иконы и иконопочитание и светлых праздников (Радость церковная), от Религии человекобожия (Два Трага) до тайны Отца (Утешитель) и Премудрости Богочеловечества (большая трилогия), от Трагедии Философии до Апикалиписа. И т. д.

Помимо содержания этих трудов, подчас гениального, живи-

тельно величие автора в наглядном доказательстве смысла творчества, уже упомянутого, не как раб, который «не знает, что дает господин его», а как освобожденный Истиной «друг», по слову Сына Божьего. И это есть потрясающая «демонстрация» о. Сергия, экзистенциальная и философская, литургическая и опытная. «Церковь есть жизнь, творчество, порыв» (Два Града). Тут же он питирует известную Речь на обеде в память Мипкевича Вл. Соловьева: «Церковь, как и отчина, как и библейская «жена юности», должна быть для нас внутренней силой неустанного движения к вечной цели, а не подлущкой успокоения». В этом и заключается мужественный призыв о. Сергия: «Derzeitel», не к торлости и самочинству, а к богословскому служению православию. В наш век вселенского кризиса христианства, стало теперь для всех достаточно ясно, что Православие и, более определенно, его русское восприятие, переживание и толкование, следуя Отцам Церкви, и после веков внешнего заморания, сохранило непорочным Христово учение и способно именно догматически его развить и о нем творчески свидетельствовать. «Новые задачи должны быть разрешаемы, а не устраняемы... Не невежеством и обскурантизмом надо служить религии, которая величайшим, непрощаемым грехом считает «хулу на Духа Святого» (Тихие Думы). И Булгаков, вместе со своими соратниками Логоса доказывает, что в наше время, Православие духовно и умственно свободно изливается и раскрывает это «новое», органически, без перебоев ни растерянности в побегушках за миром, связывая его с «прошлым», чтобы находить и выявлять в нем «вечное». «Христианство существует только в живом, конкретном церковном предании, а вне его остается лишь наука о христианстве, да пережитки старого» (Тихие Думы).

Это с особенной силой завещает нам Булгаков, на основании вестороннего церковного опыта, нам указывая на полноту его, где абсолютно все является религией, отношением между Богом и миром. Тут по всей вероятности коренная черта и глубинное свойство о. Сергия. Приходит на память, что он, например, говорил и писал об иконографии, где «мир прелестит Богу» в денсусном ряде; или, что нет существенной разницы между мыслителем и молитвенником и не должно бы быть между молитвою и действием в мире.

Конечно, все это по существу не ново, это известное учение Оптов, уже Евагрий говорил: кто молится, тот богослов, и обратно; и т. д. Но дело в том именно, что речь идет о вечном и что

весь труд мыслителя на земле состоит в том, чтобы это вечное находить и раскрывать для себя и для братьев церковных при наитии Духа Святого, на созидание Тела Христова, в исполнении совершенного Богочеловека. Как раз в продолжение такой живой и развивающейся последовательности — главная характеристика о. Сергия, именно как догматиста, опытом и мыслью исходящего из Предания и устремленного к царственному свершению Парусии (в чем состоит и суть Евангелия). «Те творческие задачи, которые встанут перед современным человечеством, должны быть поставлены в свете грядущего преобразования мира, как задания религиозного творчества, как исполнение заветов Христовых» (Невеста).

Если же, наконец, осмеливаться давать оценку творчества Булгакова «теперь», одна из его самых «актуальных» заслуг, мне кажется, — откровение о существе, смысле и деле Церкви. Она не просто «сакраментально-иерархическая организация... а исполнение предвечного плана Божия в отношении к творению, его спасения, освящения, прославления, обожения, софийности. Церковь в этом смысле есть самая основа творения, внутренняя его цель-причина» (Невеста). Поскольку спасаемый Христом мир и есть Церковь, процесс его преобразования совпадает с историей Воплощения и вхождением в Царство: «цель истории ведет за историю, к жизни будущего века, а цель мира ведет за мир, к новой земле и к новому небу» (Свет Невечерний).

Это мистическое и богословское созерцание самых древних Оптов, исходя от Откровения Иоанна и оставшееся удивительным достоянием именно Православия (несмотря на то, что Апокалипсис выпал из богослужебного обихода, как будто в обряде Церковь стесняется провозглашать тайну о себе самой), в наше время стало, благодаря Булгакову, неотложной частью нашего свидетельства и как бы условием нашей исторической реальности, поскольку мы способны постичь и «нести», что Церковь есть «гаинство всех таинств, всетаинство... сама Церковь, как Богочеловечество, сущее Боговоплощение и Пятидесятница Духа в их пребывающей силе. И это всетаинство, как немалое для себя границ, совершается в мире и человечестве, над всем миром и над всем человечеством, и притом всегда, ныне и присно и во веки веков» (Невеста).

(Святки 1971-1972 г.)

ПАМЯТИ О. СЕРГИЯ БУЛАКОВА.

Выражаю «Вестнику РСХД» свою глубокую признательность за то, что на его страницах имею возможность воздать честь памяти о. Сергия Булакова и свидетельствовать перед широким кругом читателей о том, чем я ему обязан. Познакомился я с о. Сергием в 1926-м году в Нише, где я тогда жил и куда он тогда приехал для служения в соборе и прочтения публичной лекции. Но по настоятельному я с ним сблизился с 1938-го года, после моего поступления в Богословский Институт. Поступил я в Институт окончив западную светскую школу. Пафос этой школы, как известно, — ставить под вопрос все общепринятое положение, в частности, и в особенности, религиозные, ради сильного искания разрешения всех проблем исключительно собственным умом для создания научно-философского мировоззрения. О. Сергий Булаков поразил нас, своих студентов, смелостью своей проблематики во всех областях богословия. Его одаренность, как мыслителя, его незаурядная философская культура, его богословский и научный опыт сочтаться у него с глубокой церковностью и с несомненной харизмой служения у алтара. Он показал, что знание о Боге может, при известных условиях, стать знанием Бога. Собственным примером он явил, что богомыслие может стать одним из привходящих моментов религиозной жизни. Он пробудил во мне богословское призвание и направил меня по научно-богословскому и по пастырскому пути.

Любовь к слову Божию, как и полученная мною от него любовь к богословской проблематике, заставили меня стать ветхозаветником. В те годы, когда я начинал свое собственное преподавание в Богословском Институте, Ветхий Завет подвергался историко-рационалистической критике. В широких же православных кругах тогда было утрачено всякое представление о религиозном значении Ветхого Завета и об его ценности для христианской проповеди. По заветам о. Сергия я и решил заняться этим вопросом, как наиболее тогда злободневным и насущным. По его же настоянию я стал исследовать православное учение о Божией Ма-

тери, ибо его заветной мечтой было — показать протестантскому миру религиозную необходимость церковного почитания Пресвятой Богородицы.

Занятия над Священным Писанием по новому показали мне подлинный буквальный смысл ряда библейских мест. Они заставили меня поставить под сомнение некоторые библейские обобщения общей богословской системы о. Сергия. Тем не менее, никто не учил, как он, так правильно ставить богословские вопросы, так учить решать богословские трудности, подлинно вникать в богословские проблемы и любить богословскую мысль. После о. Сергия схоластические методы и приемы, утвердившиеся одно время в православном школьном богословии, стали совершенно невозможными. Все православные богословы наших дней, даже несогласные с учением о. Сергия, но хотящие богословствовать из полноты церковной жизни, исходящие из Предания, как живого опыта богопознания, осуществляющего Святым Духом в Церкви, являются, по существу, его последователями.

Вечная ему память у Господа и постоянная ему благодарность у всех, кто ищет возлюбить Бога всею своею крепостью и всем разумением своим.

31-XII-1971.

Протоиерей Алексей Князев.

*) Редакция Вестника послала ряду богословов, лично знавших о. Сергия Булакова, просьбу написать несколько слов, свидетельствующих о его личности, которое имели на них личность и творчество великого богослова.

IN MEMORIAM

(Перевод с французского)

До того как познакомиться лично, я была знакома с отцом Сергием Булгаковым по его трудам и его участию в Экуменическом Движении. Не через него я познакомилась с учением и молитвенной жизнью православной Церкви, но его книжка «Православие», *) изданная в 1932 году, в прекрасном французском переводе, была для меня верным путеводителем в последние годы моей встречи с Церковью.

Даже если бы о. Сергий не написал ничего другого кроме этой книги, ею одной он заслуживал бы большой признательности и благодарности со стороны православных людей моего поколения и французской культуры.

Вместе с Николаем Александровичем Бердяевым, и больше чем последний, — который как-то выделял себя немного из переконной среды — отец Сергий Булгаков представлялся нам самым выдающимся представителем исповедания живой и свободной веры, в единстве и преемственности с Отцами Вселенской Церкви.

Глубоко вкорененный в традицию русской религиозной мысли, тем не менее отец Сергий обладал универсально-кафолическим прозрением Православия, в самом настоящем смысле греческого слова *katholon*.

Этим объясняется его глубокое личное участие в экуменическом диалоге, несмотря на то, что умонастроение и дух протестантских пионеров Экуменического Движения был ему довольно чужд.

На экуменических собраниях, будучи в высшей степени искренним диалектиком, о. Сергий с необыкновенной силой защищал традиционные позиции православной веры, в частности в области марихологии, — позиции в большинстве случаев неприемлемые для его протестантских собеседников. (**) Все же он им представля-

(*) Ed. Alcan, Paris 1932. *Réimpression Ed. Valzon, d'Aloupes & C. Paris 1958.*

(**) См. об этом: «The Incarnation and the virgin birth» в сборнике статей Булгакова изданном недавно Содружеством св. Ангелина и преп. Сергия в Лондоне.

лась и добросовестным противником и, вместе с тем, другом — рыцарем Истины, оживленным пророческим духом.

Что касается личной, оригинальной стороны мысли отца Сергия, то есть его софиологии (находящейся под влиянием Владамира Соловьева), то она меня хотя и привлекала к себе, но, вместе с тем, вызывала некое беспокойство и сомнения, о чем я высказывалась однажды в статье Религиозно-Философского Обозрения. (*).

Свидетельствуя о творческой, свободной мысли внутри церковного Прелатии, софиология мне представлялась достойной внимания и уважения. Тем более, что в своем глубоком побуждении она соответствовала реальному духовному опыту, засвидетельствованному Церковью: — интуиция о божественных (софийных) силах, скрытых в творении, видение фаворского света, благодать и таинственно уже преображающего человеческую природу и естественный мир.

В противовес одностороннего утверждения божественной трансценденности (которое в ту эпоху торжествовало в протестантском богословии Карла Барта), утверждения, недооценивающего естественный мир и человека, хотя и сотворенных Богом, но делающего их абсолютной объекте Троицеской любви, не означало ли естественной мысли о божественном призвании твари?

Хотя, с другой стороны, объективируя и рационализируя таинство, ощущаемую духовным опытом, и как бы нарушая этим равновесие церковного целомудренного молчания и евангельской простоты за счет умозрительных построений, не вводит ли софиология — спрашивая я себя — гностического соблазна умоствования? Или, как в ту же эпоху об этом вопрошал о. Лев Жидля: «Лучезарной и радостной софиологической концепцией не умаляются ли в каком-то смысле и идея Божественной недоступности и идея (абсолютной) непримиримости с Князем мира сего, и трагичность жизни страдающего человека Иисуса, окончившейся крестными страданиями и смертью?»

Но несмотря на эти вопрошания и недоумения, какие мы тогда имели, осуждать мысли отца Сергия, без того чтобы он мог объясниться и защититься, мне казалось и бесплодным и глубоко несправедливым. К такому заключению в конце своей жизни пришел и осуждавший в молодые годы софиологию Булгакова Владимир

(*) E. Behr-Sigel, La sophologie du père Serge Boulgakoff, Revue d'histoire et de Philosophie Religieuse, № 2, 1939.

Лосский. Он сказал, что софиологическая проблема могла и должна быть заново рассмотрена и введена, как неотъемлемая часть, в православное богословие.

Наступила война. беспорядочное бегство, тяжкие годы немецкой оккупации. Это трагическое время было для меня и временем очищения и обращения к отцу Сергию в самом главном, что я в нем узнала другого — менее интеллектуального и бесконечно более личного.

Вернувшись в Париж после «Исхода» 1940 года, как-то вечером (это был сентябрь), я — одинокая и растерянная — подналась на Сергиевскую горку в надежде найти там живую душу. Я постучалась к о. Сергию. Он открыл дверь и ласково принял меня. Он посоветовал мне, — до того как я отправилась бы к мужу в «запрещенную зону» — исповедаться и причаститься. Так началась наша личная связь и переписка, длившаяся в продолжение войны.

Заклоченная со своей семьей в «запрещенной зоне», я лишь редко могла бывать в Париже, но регулярно получала от о. Сергия слова дружбы и духовного утешения, а также редкие сведения, которые доходили до него, через Швейцарию, о наших общих друзьях, находившихся за границей и с которыми нас разделял железный занавес немецкой оккупации. Это было той «вытагой», которой, по слову М. Мегерлинка, достаточно, чтобы озеленить боврышник, оросить былинку и оживить тлищу. И чтобы напоинить венчик, где пчела собирает мед, нужно весть совсем немного воды!»

Так во дни ареста матери Марии Скобцовой, «в скорби и жалости», равно как и в надежде, не приобщались ли мы тому, что стоит по ту сторону страданий настоящей жизни.

В последний раз я увидела отца Сергия в начале лета 1944 г. за несколько месяцев до конца войны. Это совпало с рождением моего сына. Совсем уже больной, тяжко ушибленный операцией тогда от рака — что и привело его к смерти — о. Сергий мог говорить слова, которые с трудом можно было повтять.

Но расставаясь с ним я сохранила в сердце его лучезарную, нежную улыбку и благословение, данное им широким жестом руки мне и моему ребенку, которого я тогда носила в себе.

Как я и предчувствовала, мы не должны были с ним больше встретиться.

1. Никого я в жизни не повстречал, кто произвел бы на меня большее впечатление, кого бы я выше оценил и чья память была бы мне дороже, чем память о. Сергия. Никого не повстречал, кого бы мог с ним и сравнить.

2. Труды его, для меня, неотделимы от его личности, но личность отделима от трудов, и она мне больше дала, глубже во мне запечатлелась, чем труды.

3. Думаю, однако, что русская богословская мысль — и мысль вообще — когда оценивание ее кончится, мимо трудов этих не пройдет; а если пройдет, себя обеднит и свое будущее искалечит.

18 дек. 1971

В. Вейгле

Я не могу не откликнуться хоть кратко на чествование памяти отца Сергия Булгакова. В нем было большое горение духовное и большая сила веры, и этим своим пламенем духовным он часто зажег душу других. С большой благодарностью вспоминаю то большое впечатление, которое я получил от частых встреч с ним когда я был еще молодым студентом Московского Университета, а он прор.-доцентом Московского Университета и профессором Петровской Академии под Москвой. Он был ревностный и деятельный участник замечательного Кружка ищущих христианского просвещения, в котором руководящими лицами были кроме него также В. А. Кожевников, кн. Е. Н. Трубецкой, Ф. Д. Самарин, еп. фео-дор и др. и который я часто посещал в 1907-1912 гг.

Помню горячность его христианской веры и силу его слова. Его софиологическое богословие я не разделял, считая его несколько слишком эмоциональным и вместе с тем рационально-схоластически окрашенным, к тому же и произвольным. Но его горячий интерес к великому обетованию а также и преображению твари через подвиг Христов я, конечно, высоко ценю и высоко чтю, хотя и не в этом — неудачном для меня — булгаковском «софиологическом» выражении.

Он многим указал путь ко Христу. Он у многих раскрыл глаза на действие Слова Божия в мире и истории. Имя его займет почетное место в истории русской духовной жизни и духовной культуры как ревностного и пламенного служителя и проповедника Возлюбленного Слова.

Н. Арсеньев

Я уже могу считать себя необыкновенно счастливым человеком, что милостию Божию мне довелось быть в условиях самого близкого общения с такими корифеями Русского Ренессанса как протоиерей профессор Сергей Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и другие. Каждый из них в своем роде гигант, великан и заслуживает самого пристального внимания, а его творчество — детальнейшего анализа.

Но среди них особенным блеском звезды первой величины сияет автор «Света Невечернего», «Двадцатидесяти», «Мощара и Сальери» — не говоря уже о гениальнейшей трилогии — «Агнец Божий», «Утешитель», «Невеста Агнца» — и других творений, как например небольшой по размеру, но блестящей по содержанию книжечки «О чудесах евангельских».

Считаю себя также необычайно счастливым, что Господь привел меня быть коллегой о. Сергия Булгакова по Православному Институту Св. Сергия в Париже, где я имел честь и радость преподавать многие годы под его началом. И вот теперь, когда на склоне лет предаюсь сладостным воспоминаниям об этих лучших годах моей жизни — сердце бьется полнее и сластнее, чем когда-либо — и не веришь себе, что такое счастье и такая радость были — согласно слову поэта

Не скажешь ты с тоской — их нет,
Но с благодарностию — были!

И при этом никак не можешь забыть, что через посредство о. Сергия Булгакова довелось мне иметь общение с о. Павлом Флоренским — учителем и вдохновителем о. Сергия.

С творчеством о. Сергия я познакомился в первый раз в бытность мою еще молодым пятиклассником Киевской I Гимназии, ибо тогда (в 1905-1906 гг.) о. Сергий был моим частым приват-доцентом Киевского Политехнического Института: тогда же о. Сергий прочел на всю Россию серией своих превосходных лекций о Чехове и рядом статей, которые впоследствии вошли в состав величайшего сборника «Лихие Думы».

Залы, в которых читал в Киеве о. Сергий, были переполнены. Содержание и стиль этих лекций, равно как и их успех показывает, что действительно свершался некий крутой поворот от жалких и бедных идей 60-х и 70-х годов, даже полный разрыв с ними

ради роскошной и многообещающей зари новых дней. И это несмотря на то, что официально о. Сергий Булгаков (тогда приват-доцент политической экономии) и многие его слушатели пребывали в стане народников и марксистов. Но именно тем важнее было быть свидетелем совершающегося и неизбежного переворота «от марксизма к идеализму». И тогда же «Вехи» покупались нарасхват (в них одной из лучших статей была статья о. Сергия), а сочинения Ленина (псевдоним — Владимир Ильин) вызывали гомерический хохот своей отсталостью, некультурностью и глупостью.

Самым сильным и глубоко — *de profundis* действующим во всем духовном облике о. Сергия в эпоху моей первой встречи и первого знакомства с ним (в Берлине в 1924 г.) был его общий, благородный стиль православного священника-протоиерея. В нем, как некогда во Владимире Соловьеве (в котором было много от священника — «левита»), — и вот именно этот стиль священника-левита влек к нему сердца с незведомою силой.

Конечно, с первых же слов, какие бы он ни промолвил на кафедре, с первых же шагов общения с ним переживался прежде всего священник-левит, которому дана власть вязать и решить, свершать литургию, чувствовался человек, который однажды пройдя огненную преграду, отделяющую церковь от мира, уже воистину стал для мира иным и может благодатью священства ему от Бога данной уводить за собою в ограду огня. Такие священники по непосредственному чувству почишей на них благодати священства — очень редки. Они — драгоценны. И к ним относятся немногочисленные коллеги о. Сергия — весьма редкие единицы. Такова же была сила его проповеднического и духовнического дара. И именно — мы твердо в этом уверены — так удивительно был его богословско-метафизический и философский гений, что от Господа был дан ему широчайший и глубочайший опыт иррейского служения. Тот, кто имел радость присутствовать на его служениях или быть его духовным сыном, — тот никогда не забудет этого и унесет это счастье «по ту сторону» огненной преграды. А сколько было гроз в его иррейской благодати, прозвзв, прогнавшей всякого рода темные силы.

Отец Сергий не позволял никому легкомысленного и небрежного обращения со святыней. А это — самое главное. В святыне — все, и святыня — все. Отсюда и его богословский гений. В

богословии — благоговение благочестие — это все. И о. Сергей обладал этим всем, не вопше приняв благогодать священства.

И в наше время никто (за исключением старца Алексия Мечева), никто так высоко и так благоговейно не нес над своей главой «живот и крест — символ святой», как именно отец Сергей Булгаков.

Быть может, именно по этой причине постиг он в такой глупине две таких величайших церковных ценности, без которых Церковь не стоит в наших сердцах — молитвы и чуда.

Вл. Н. Ильин.

Прот. Георгий СЕРИКОВ

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОТЕЦ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ

Если бы меня, как одного из старейших (и, увы, уже престарелых) членов Движения спросили о том, что с моей точки зрения было и есть самого дорогого и забываемого в отце Сергии для Движения, то парадоксально, но правдиво я должен был бы ответить: — его молодость, его свежесть, его весенний дух всякого возрождения, его модернизм (новаторство), его открытость, его творческий динамизм, его евангельский протестантизм, его духовность, не приемлющая никакой косности, рутинности и односторонней «ветхозаветности»... и все это удивительно сочетавшееся с любовью, сыновней преданностью к «почве», к корням, к отцам, к «препанно старинны», к быту, к исконному и родному Православию.

Если для движущих бесменным председателем, организатором и «папашей» был дорогой «Вас-Вас» (будущий протопресвитер отец Василий Зенковский), если их священником, «бабушкой» и молитвенником, со своими забываемыми, глубокими черными глазами, был смиренный и типичный отец Сергей Четвериков, то вдохновителем и открытием Движения всегда — с Пидерова, Хопова и Аржерона до самой своей смерти — был отец Сергей Булгаков.

Через него, в его лице, как в основном вдохновителе и руководителе двух движений — Русского Студенческого Христианского Движения в эмиграции и предреволюционного Религиозного Возрождения в России — оба движения сроднились, чтобы не сказать слились.

Через отца Сергия Булгакова наше Р.С.Х.Движение так же сроднилось со всемирным Движением Экуменическим, и было (вплоть до недавнего вступления в него родной, подсоветской Церкви) единственным голосом русского православия, звучавшим во всеушьяниие инославных христиан. Движения, тысячами своих делегатов участвовавшие на экуменических съездах мира всегда имели радость сознавать, что с ними и во главе их находится такой светоч религиозной мысли как Булгаков.

Через отца Сергия, бывшего одновременно и духовным руководителем Движения и главой свято-Сергиевской Духовной

Академии в Париже, эти две религиозные сестры, почти одноклассницы, любили друг друга и чувствовали себя членами одной родной семьи — даже если и не иметь в виду того, что многие члены студенческого Движения были вместе с тем и студентами Сергиевской Академии, а многие профессора последней были учителями и ответственными руководителями кружков и съездов Движения.



Отец Сергей Булгаков и о. Сергей Четвериков
(на Съезде Р.С.Х.Д.)

Это соединение в одном лице отца Сергия и возглавителя Религиозного Возрождения начала века в России, а потом и в эмиграции (в Движении студенческой молодежи), соединение в одном лице и участника знаменательного в истории Русской Церкви Собора 17-го года, восстановившего патриаршество на Руси и вместе с тем участника и возглавителя всех наших религиозных съездов молодежи за границей,

это соединение в его лице и авторитетного голоса Православия перед христианским миром на всемирных акumenических съездах и его руководящая роль в движении к Православной Церкви русского студенчества за границей,

это соединение в одном лице и величайшего русского богослова, бывшего профессором единственной в мире православной русской Академии в Париже (во дни революционного лихолетья на Родине), с руководством светской организации «христианских мальчиков и девочек»,

все эти соединения в одном лице отца Сергия знаменательны и символичны для характеристики его религиозного пафоса, его основной глубинной идеи «БОГ И МИР».

Значение отца Сергия в том, что по образу Халкидонского соединения в своем богословии он соединил духовное с телесным, религиозное со светским, трансцендентное с имманентным, апофатическое с катафатическим, метафизическое с историческим, вечное с временным, абсолютное с относительным, онтологическое с экзистенциальным.

«БОГ И МИР» — было для отца Сергия не только грамматическим предложением, но символом соотношения религиозной сущности вещей — причем, замечательно то, что в этом предложении «БОГ И МИР» отец Сергий обращал свое внимание не только на оба подлежащих, но так же и на союз «И». В этом он был софистологом. (*)

Большое значение для движениев — бывших детьми русских политических эмигрантов — имел тот факт, что их религиозный вождь богослов и духовник, сам пришел к Церкви «из страны далекой», из той идеологической страны, флюидами которой была отравлена и разрушена многострадальная Родина их отцов-эмигрантов. Критика интеллигентской нерелигиозности, заведительствованная в трудах пришедшего к Церкви бывшего марксиста (**), была весьма веской и убедительной в устах горювшего ep compaissance de cause профессора политической

(*) Кстати сказать — а об этом только и можно сказать «кстати», «между прочим», не выделяя, не акцентировав рать это тобо, не деляя из мухи слона — что существует объективно-православная софиология, а есть, и вполне закономерно (с православной точки зрения) может быть субъективное «софианство», которые не следует смешивать одно с другим. В то время как софиология есть неотделимая часть объективно-православной теологии, «софианство» есть один из допустимых для православных теологов теологуменов. К сожалению, и в силу своего собственного литературного темперамента, не достаточно отделившего субъективные мысли от объективных, и, главным образом в силу невежества, недоброжелательности и косности мышления некоторых современников, это различие объективного от субъективного не всегда делалось читателями Булгакова! Но спросим себя: во избежание соблазна для «малых сих», нужно ли Православной Церкви брать пример от католиков, которые, боясь, чтобы простые, неосведомленные читатели не приняли теологию за официальноую, кафедральную теологию, завели у себя знаменитый index?!

(**) «От марксизма к идеализму», «Дава прада», «Свет новечерний»...

экономики Булгакова, т. е. человека прошедшего самодично через огонь и воду скепсиса. Вообще, Русское Религиозное Возрождение характерно тем, что участники его, в большинстве случаев, были людьми пережившими обращение ко Христу, а не лучшими свою веру по наследству.

Хотя политикой Движение не занималось и было всегда «аполитичным», тем не менее социальный вопрос, как входящий частично в религиозную проблематику, конечно интересовал и не мог не интересоваться членов религиозного Движения. И об этом много поучительного могли сказать молодым движением такие люди, как прошедшие через социализм марксизма Бердяев, Франк и Булгаков.

13-го июня 1944 г. Движение осиротело. Ушел из временной жизни его незабываемый священно-вдохновитель и пророк. Появилась новая смена движущих и с нею пришли новые интеллектуалы и встали новые практические задачи, но дух Движения, дух религиозной свежести, весенней энергии и пламенной православной веры не оскудеет в Движении до тех пор, пока жила будет в памяти личность и духовное обаяние его вождя.

И если Движению суждено будет иметь какое-то значение для Православной Церкви в будущем (история это покажет), то это будет не без связи с приснопамятным отцом Сергием Булгаковым.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ЖИЗНИ

(М. О. Гершензон. «Письма к брату»)

...но помешал Булгаков, который пришел в 9 1/2 ч. Приехал в Ажигитию специально для того, чтобы посоветоваться насчет того, какую цену поставить на своей книжке. Он написал этой зимой, необыкновенно быстро, книжку в 16 1/2 листов (правда маленькая) о рынках при капиталистической форме производства, начал печатать ее 10 янв. и сегодня подписал уже последний лист. Издает Водовозова, и у них идет борьба великодушный: она хочет заплатить ему 800, и тогда, чтобы у нее не было убытков, за книжку надо назначить 1 р. 25 коп., что непомерно много. Мы целый час считали и пришли к заключению, чтобы он взял только 600 р. и книжку пустил по 1 р. 25 коп. Еще вопрос пропустил ли цензура. ...Булгаков только сейчас ушел, а мне давно пора спать. Его, на-днях, вероятно, утвердят, как преподавателя политехн. экон. в техническ. институте.

28 янв. 1897 12 3/4 ночи

Вторн. 7 час. Сейчас получил письмо от Булгакова, письмо, которым я буду гордиться и которое переписываю вам, как лучшую характеристику этого замечательного ума и редкого сердца.

«Дорогой М. О.! Здесь были Калмыкова с Семеновым и мы вместе пытались привлечь к журналу имена многих «славных русских лиц», но почти везде получили нос. Имя одного из славных еврейских лиц — Гершензона — с дозволения последнего отдела для пропечатания и на обложке в качестве сотрудника (рецензента и автора статей). Если, паце чаяния, Вы забрыкаетесь, черкните. — Сейчас уезжаю в Ливны до пятницы. Один брат безнаденжен здесь, у другого, кажется, та же болезнь там. Вот что: позондируйте почту у Виноградова, согласится ли он дать свое имя на обложку журнала? Предоставляю все Вашему такту; в случае его благосклонности, обращусь к нему официально от имени Нов. Слова. Предполагается сделать попытку привлечь ряд имен, напр., М. Ковалевского и под. Конечно, эти имена не будут выражать направление, но для большой публики известного сорта они важны. Нужно будет поговорить с Петрушевским и К. Хотя они почти безнадежны в качестве рецензентов или авторов статей